

Серия «Услышать человека»

ПРОЩЕНИЕ: Разрывая оковы ненависти

Майкл Хендерсон. Пер. с англ.

ISBN 5-89647-069-X

ПОСЛУШАЙТЕ ДЕТЕЙ.

ПРИСЛУШАЙТЕСЬ, НАКОНЕЦ...

Сост. Аньет Кемпбелл. Пер. с англ.

ISBN 5-89647-035-5

НЕЗРИМОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Элен Гизан-Деметриадес. Пер. с фр.

ISBN 5-89647-041-X

ЭТОТ НЕИСПРАВИМЫЙ ИНДИВИДУАЛИСТ:

История жизни одного финан

Пол Гундерсен. Пер. с англ.

ISBN 5-89647-043-6

ПАВЕЛ НИКОЛАИ ИЗ МОНРЕПО:

Европеец, не такой как все

Пол Гундерсен. Пер. с англ.

ISBN 5-89647-016-9

УСЛЫШАТЬ ЧЕЛОВЕКА

Поль Турнье. Пер. с англ.

ISBN 5-89647-017-7

УРОКИ РАЗДУМЬЯ:

Педагогика нравственного развития. 2-е издание.

Филипп Лобстейн. Пер. с фр.

ISBN 5-89647-108-4

Philippe Lobstein

*Les silences
de M. l'inspecteur*

CAUX EDITION

Филипп Лобстейн

Уроки раздумья

Педагогика нравственного развития

2-е издание

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ
ИНСТИТУТ

СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

Москва

Серия «Услышать человека»

Перевод с французского: Наталья Мавлевич

Корректор: Тамара Горячева

Верстка: Татьяна Непомнящая, Татьяна Сошникова

Обложка: Дмитрий Курреев

Данный перевод французского издания *Les silences de M. L'inspecteur*
Филиппа Лобстейна публикуется с согласия издательства
Caux Edition (Switzerland, Geneva)

Филипп Лобстейн.

Уроки раздумья. Педагогика нравственного развития.

2-е издание (Серия «Услышать человека»). — М.: Библейско-
богословский институт св. апостола Андрея, 2004. — 88 стр.
ISBN 5-89647-108-4

«Невозможно быть педагогом, если не поставишь во главу угла принцип служения и не готов к своего рода ежедневной аскезе, предписывающей неукоснительную требовательность к себе и уважительное отношение к другим. Иначе дети становятся теми «другими», которые превращают твою жизнь в безысходный ад. Вспомним же правило правил: изменим, в первую очередь, себя, станем сами такими, какими хотим видеть детей, — и в мир вернется счастье и радость плодотворного труда.»

Книга рассчитана на педагогов, психологов и всех интересующихся вопросами воспитания.

© CAUX ÉDITION, 1998

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2000
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	7
1. Первые шаги	8
2. Администрация с большой буквы	10
3. Шумовой фон	13
4. Другой – это тоже мы	16
5. Тапки инспектора	19
6. Недоплата	21
7. Праздничный пролог	23
8. Шефство	26
9. Помогите!	28
10. Мосты	30
11. Сторож	34
12. Здравствуй!	37
13. Простите!	39
14. Нантский опыт	41
15. Святые-миряне и мученики-инспекторы	44
16. Маленькие наркоманы	47
17. Она не обманет!	50
18. Окурки	51
19. Вольное племя	53
20. Любовь в семь лет	57
21. Где же хулиганы?	59
22. Пощечина пощечине рознь	63
23. Что такое светская школа?	66
24. Сказка о робком учителе	70
25. Аморальная мораль	73
26. Ни капли жги	75
27. Воспитать человека	78
28. Ради чего?	80
<i>Декларация общества «Нравственное развитие в школе»</i>	83

*Моим внукам Ромену, Од, Камилле и Алексии, всем детям,
с которыми я подружился на «уроках раздумья».*

*«Чудо творения – это существо,
наделенное совестью».*

Эмманюэль Левинас

*«Педагогика должна строиться
на благоговении перед ребенком,
как перед святыней».*

Жюль Ферри

В В Е Д Е Н И Е

Как-то раз, лет через десять после «культурной революции» мая 1968 года, во время международной конференции по нравственному воспитанию несколько французских педагогов оказались в окружении коллег из англоязычных и скандинавских стран. Те рассказывали об интересных экспериментах в области морального и духовного развития школьников.

Слушая их, я задумался над тем, каково положение у нас, во Франции. Когда-то сильная традиция светской морали зачахла, оттесненная повальным нигилизмом. Эта беда захватила и школы, что заставило министерство образования разработать ряд методических указаний по усилению нравственного и гражданского воспитания.

В ходе обсуждения я зачитал выдержки из этих разработок. Нравственное воспитание рассматривалось в них как «развивающая дисциплина», «требующая глубокой вовлеченности педагога». Никаких рецептов они не содержали, рекомендуя полагаться на «совесть и чувство такта».

— Как хорошо иметь такие отличные методические тексты, — сказал мне один коллега из Новой Зеландии. — У нас никаких инструкций нет, и мы вынуждены во всем разбираться сами.

Что и говорить, тексты отличные. Но как мы ими пользуемся?

Это соображение задело меня, и я решил старательно применять все инструкции, чтобы пробудить в детях уважение к основополагающим человеческим ценностям. Результаты получились неожиданные, о них-то я и хочу рассказать в этой книжке.

1. Первые шаги

Сам я всегда был хорошим учеником, полным почтения к учителям. Только раз или два возмутился поведением одного из них: он легкомысленно относился к преподавательским обязанностям и на своих уроках болтал с нами о чем угодно, только не о том, что входило в программу.

Что же касается насилия в школе, то я в первый раз претерпел его со стороны собственных учеников. Я был тогда студентом последнего курса философского факультета и должен был проходить педагогическую практику. Нас напугствовал университетский профессор, непререкаемый авторитет, весьма категоричный в суждениях. Из всей его часовой речи я запомнил два положения:

1. Лучше сломать стул о спину ученика, чем допустить неуважение к себе.

2. Педагогика утверждает те же добродетели, что и богословие, только в мирском применении. Вера задает систему ценностей, надежда велит считать, что реальность хоть скольконибудь ей соответствует, милосердие признает право на существование других систем, не совпадающих с нашими.

Вооруженный этой мудрыми советами, я приступил к своему первому уроку и предстал перед лицом школьного учителя и тридцати незнакомых учеников. Все, что я бодро выпалил за час, стоило мне целой недели напряженной подготовки. Класс внимал в полном молчании — сказывалось присутствие постоянного руководителя. Но, когда прозвенел звонок, я понял, что говорил в вакуум — никто и не думал меня слушать. Я сотрясал воздух. Как продержаться второй час? У меня были заготовлены отличные тексты.

И тут учитель очень просто сказал:

— Ну, а теперь оставляю вас с детьми.

Была зима, мороз. Двор занесло снегом. На перемене, чтобы согреться, ребята стали играть в снежки. И перемена растянулась на весь урок. Дети метали снежки в доску и друг в друга, несколько не смущаясь моим присутствием и словно бы вовсе меня не замечая. Так продолжалось до самого звонка. Из класса они выходили очень довольные:

— Спасибо, мсье! Было очень интересно!

Что же, все пропало? Сгорая от стыда, я думал о первом пункте педагогической программы моего университетского наставника.

Я не разбил ни одного стула ни об одного ученика и стерпел как мленький неуважение целого класса.

Несмотря на это я получил удовлетворительный отзыв о практике. Меня допустили к квалификационным экзаменам, я представил сносную письменную работу, но по робости провалился на устном экзамене.

Однако моя любовь к философии была так велика, что я не отступился и со временем добился своего. Худо-бедно я преподавал этот предмет семь лет. Читал лекционные курсы и иногда, по примеру моих лицейских учителей, проводил занятия-беседы.

Бывали у меня классы очень увлеченные, а бывали совершенно безразличные и далекие от всего, к чему у меня лежала душа.

Затем я успешно прошел еще одни испытания и был назначен инспектором. И вот тут-то я попытался разгадать секрет лучших учителей. Оказалось, они давным-давно отказались от рекомендуемого топорной педагогикой принуждения и действительно усвоили добродетели, которые проповедовал наш профессор: веру, надежду, любовь.

Весь следующий этап моей работы я посвятил подражанию им.

2. Администрация с большой буквы

Начало инспекторской службы было нелегким. Мой диплом оказался козырным тузом на конкурсе, где философам отдавалось предпочтение, и прямо из средней школы я перешел в администрацию крупного учебного округа на юге Марокко, в то время французского протектората. Я должен был заниматься начальным образованием, в котором я совсем не разбирался.

Мой начальник, хоть и находился в 400 километрах, неукоснительно ставил мне на вид малейший промах. Вероятно, он делал это из лучших побуждений, чтобы помочь мне освоить профессию, но я воспринимал это как унижительные придиурки и горько жалел об учительской работе.

Однажды, распекая меня за то, что я неверно указал стаж педагога, представленного к повышению по службе, он кратко сформулировал мне свою собственную философию: инспектор должен быть непогрешимым в глазах подчиненных. А его помощник добавил:

— ...и пользоваться каждым случаем поймать их на ошибках, чтобы укрепить свой авторитет и подчеркнуть свое превосходство.

У меня опустились руки: весь мой недолгий опыт показывал, что учителя понимали в своем деле куда больше, чем я, а представители профсоюзов знали наизубок все законы и инструкции. Я же еще нес скоро смогу сравняться с ними.

Как сговориться с начальником, если он непогрешим, я тоже должен быть непогрешимым и при этом мы не сходимся в суждениях?

Что за радость в работе, если она заключается в том, чтобы поймать другого на ошибке?

Я целый триместр разрывался между указаниями начальства и своим внутренним голосом, пока наконец не решил следовать собственным убеждениям и доходить до всего своим умом.

Это отнюдь не улучшило моих отношений с администрацией. На каждом совещании я высказывал особое мнение, что ни у кого не вызывало симпатии. Я превратился в вечного оппонента, стал желчным, каждое посещение Управления образования округа превратилось в пытку.

Наконец однажды утром я понял, что так не должно продолжаться. Я мог сколько угодно возмущаться требованиями некой безликой Администрации, которую не всегда понимал, но злиться на человека, который представляет ее куда лучше, чем я, явно не стоило. Меня подвело уязвленное самолюбие.

Чем больше я думал, тем яснее сознавал, что должен признать свою вину. Собравшись с духом, я попросил начальника принять меня и переступил порог его кабинета, настроенный совсем не так, как обычно. Сказал, что сожалею о своем поведении, о том, что мешал нормальной работе своим упрямством и критиканством.

Начальник внимательно выслушал меня. Потом примиряюще махнул рукой, как бы говоря, что все это не имеет значения, и заговорил о другом.

И действительно никакого значения это не имело! Однако тон нашей беседы изменился. И не только тон — сами отношения между нами изменились. Мало-помалу мы прониклись доверием и уважением друг к другу.

Я вернулся в свой округ. Опыта у меня к тому времени прибавилось, но все же время от времени случалось оплошать. Однако ни одного выговора я больше не получил.

Наоборот, однажды с изумлением прочитал письмо из Управления, в котором передо мной извинялись: в одну из школ по ошибке назначили учителя в превышение штата, и меня просили распорядиться им по моему усмотрению.

Мы с начальником стали друзьями. И, когда он от нас уехал, еще долго переписывались.

Как-то раз, спустя двадцать лет, я выступал по телевидению в пятнадцатиминутной передаче о нравственном воспитании. Он увидел и услышал меня. И вскоре прислал письмо, в котором хвалил меня и поддерживал мои начинания.

К тому времени я уже обзавелся семьей, вернулся во Францию и работал инспектором учебного округа города Нанта и прилегающей области.

3. Шумовой фон

Вот уже более двадцати лет я служил инспектором начального образования. объездил множество школ, перезнакомился с уймай людей: с учителями, директорами, администраторами, родителями.

Проекзаменовал сотни детей, проверяя их знания. Но никогда не разговаривал с ними. По-человечески, как с друзьями.

И однажды решил попробовать. Но как? Речь, проповедь, урок — все не подходит. Тогда что же?

Преподавать — значит без конца говорить и говорить. Один школьник, когда я только еще начинал учительствовать, сказал мне после двухчасовой лекции: «Через пятнадцать минут никто вас уже не слушает».

Говорить, когда тебя не слушают? Что можно таким образом преподавать?

Может быть, преподавать — значит прежде всего слушать? А чтобы слушать, надо замолкнуть самому.

Итак, слушать. Слушать детей. Слушать каждого как уникальную личность, проживающую свой неповторимый опыт, о котором никто другой не расскажет.

И молчать. Самому и всем вместе. Чтобы каждый мог прислушаться к голосу сердца и найти точные, идущие изнутри слова.

Но возможно ли это? «Нынешние дети не любят тишину, — сказала мне как-то одна учительница. — Им нужен постоянный шумовой фон».

Однако не я ли сам этот шумовой фон создаю?

Обычная картина: идет урок, все вертается, болтают, бесятся. Может дойти и до драки.

А что, если мне же попытаться внести в класс тишину?

Я остановил выбор на сплоченном классе, где у ребят, благодаря особой методике, уже был выработан некоторый навык самостоятельности и ответственности. Учительница, она же директор школы, бесконечно любила детей и уделяла особое внимание так называемым трудным. Она считала, что школа должна давать всем равные возможности: возможность не только получить запас научных знаний, но и приобрести знания о жизни, научиться жить с людьми, найти себя.

Семеро из тридцати учеников этого класса были, что называется, «неординарными». Их определили сюда, потому что им было уже от 9 до 11 лет и учителя подготовительных и начальных классов не знали, что с ними делать. Один не умел читать. Другой — хоть сколько-нибудь грамотно писать. Третий вечно дурачился и был неспособен сосредоточиться. Четвертого выгнали из соседней школы за кражу. Еще трое еле тянули на уровень приготовишек.

Большую часть класса составляли средние ученики. Но трое выделялись на этом фоне необыкновенной живостью и зрелостью ума. Особенно один мальчик, который говорил мало, но поразительно точно. Была еще девочка, которая говорила, рассуждала и писала совсем как взрослая. Словом, пестрое сборище, совсем как в жизни, где ни один человек не похож на другого.

Перед началом учебного года я договорился с директором, что буду вести в этом классе свободные беседы раз в две недели. Отличный эксперимент в духе последних министерских инструкций, где рекомендовалось пользоваться подходящими случаями для «уроков раздумья» на материале жизни в классе, в обществе, в мире.

Выражение «уроки раздумья» употреблено в официальных инструкциях 1977 года, в которых как раз и говорилось о необходимости новых подходов к нравственному и гражданскому воспитанию. Предлогом для таких раздумий могло стать что угодно: событие в классе, в городе, сообщение в прессе, любой вызывающий интерес вопрос. Большинство

учителей не знало, как практически применить эти замечательные указания и как распорядиться предоставленной им свободой действий.

Я рассказал о своей идее жене, и она меня горячо поддержала. А для первого раза, чтобы дети чувствовали себя раскованно, предложила такую тему: «Хорошо ли тебе в школе? А если нет, то что сделать, чтобы было хорошо?»

4. Другой — это тоже мы

Учебный год начался, начались и наши занятия. На первом же я, как было задумано, задаю детям вопрос, хорошо ли им живется в классе.

Предлагаю сначала всем немного посидеть молча и подумать, а потом, у кого будет желание, высказаться.

Посидеть молча! Это не так просто. Дети хихикают, удивленно переглядываются. «Странное выражение — хранить молчание, — сказал когда-то Бергаиос. — Не мы храним молчание, а оно нас».

Я беру листок бумаги, ручку, думаю и пишу. Дети делают то же самое. У нас такая игра: мы открываем тишину, а она открывает нам дорогу вглубь — в самих себя. В тишине на поверхность сознания всплывают забытые, вытесненные мысли. Вот новая стихия — тишина. Растет и ширится сама собой и вбирает в себя окружающее. Мы погружаемся в нее и входим во вкус.

Проходит несколько минут, звучат первые слова. Вопреки расхожему представлению о мрачной атмосфере в школе в них слышится благодарность, и это вовсе не ради благопристойности:

- Мы рады, что опять начинается учеба.
- Рады снова встретиться с друзьями.
- У нас добрая учительница.
- Мы к ней привыкли.
- В прошлом году она вела у нас разные кружки.
- Она любит спорт, музыку, интересные книжки.
- Нам нравится читать вместе с ней. Если в книге много героев, мы читаем по ролям, как в театре.

– Я тоже рад началу наших занятий, – присоединяюсь к детям я. – Мы с вами будем учиться понимать друг друга и помогать друг другу в работе и в жизни.

Итак, все к лучшему в этом лучшем из школьных миров?

Не будем обольщаться. Суровая реальность спешит напомнить о себе.

Радостный хор вдруг нарушают рыдания: плачет мальчик в дальнем конце класса. Ребята все это время не обращали на него никакого внимания, зато учительница не спускала глаз и как будто страдала с ним вместе, пока все рассказывали, как им хорошо.

Она тут же подошла к мальчику, села с ним рядом и тихо спросила:

– Что с тобой, Филипп? Почему ты плачешь? Скажи! Тебе что, плохо в школе?

Весь класс повернулся к Филиппу. И он сказал то, чего прежде никогда никому не говорил:

– Да, мне тут плохо. Я не люблю школу. Боюсь. Я не умею читать, и все надо мной смеются.

Выговорить затаенную боль – большое облегчение и освобождение. На этот раз все замолчали не сговариваясь. Здесь, рядом с нами, наш товарищ... мы смеемся, когда он спотыкается на каждом слове, нам весело, а каково ему...

Когда задумаешься о другом человеке, заглянешь ему в душу, начинаешь все видеть иначе. Оказывается, что другой – это тоже мы.

– Я знаю, как обидно, когда над тобой смеются, – сказал один из ребят. – Мне тогда хочется все бросить и ничего не делать.

А одна девочка предложила:

– Не будем больше смеяться над Филиппом. Лучше поможем ему.

Сказано – сделано. На втором занятии, через две недели, дети легко включаются – опыт не прошел впустую. Филиппа в этот раз нет.

– Он болен, – говорят дети, не дожидаясь вопроса.

Тишина устанавливается почти без усилий, и наполнена она мыслями о Филиппе. Еще вчера на него никто и не глядел, а

сегодня он в центре внимания всего класса. Кто во что горазд, ребята придумывают, чем бы его порадовать: послать ему рисунки, написать письмо, проведать, показать, что его не забыли.

Наше занятие превращается в урок рисования: лучшие рисунки отправят Филиппу.

Когда я прихожу на следующее занятие, дети бросаются ко мне еще во дворе:

— Филипп читает! Филипп читает!

В классе Филипп раскрыл книгу и стал читать, сначала неуверенно, потом все лучше. Прочитал абзац, другой. Класс разразился аплодисментами. А учительница обняла мальчика:

— Вот видишь, ты научился читать, как все. И теперь сможешь делать все, что у тебя раньше не получалось.

И действительно, очень скоро Филипп, который не умел прочитать условия задачи, стал прекрасно успевать по математике.

В то утро мы отпраздновали первую общую победу.

5. Тапки инспектора

Я спешил к первому уроку – на занятие по нравственному воспитанию. Выскочил из дому, ничего за собой не убрал и оставив посреди комнаты перед телевизором свои тапки.

– Мог бы хоть тапки поставить на место, – крикнула мне вслед жена.

– Ты же видишь, мне некогда! Убери сама! – огрызнулся я и хлопнул дверью.

Спускаясь по лестнице – четыре этажа без лифта, – я успел остыть и устыдился: «Ну и хам же ты! Вернешься – извинись перед женой!»

Потом стал думать об учениках, с которыми сейчас увижусь. Что сказать им? Как создать доверительную обстановку, разбудить в них желание каждый день работать над собой? Что сделать, чтобы они не остались глухи к нравственным принципам, которые я хотел бы передать им и которые объединили бы учеников и учителей?

А что, если рассказать им вот этот случай со мной? Я не слишком аккуратен. Не люблю, когда мне делают замечания, даже – и особенно! – если они исходят от жены и касаются моих слабых мест. Я сам ученик, причем плохой!

Так я и поступил: рассказал детям о том, что произошло со мной полчаса назад. Они слушали с живым интересом. Некоторые сочувственно улыбались. И после ставшей правилом паузы на размышление прозвучали самые разные мнения.

– А почему ваша жена не может убрать ваши тапки? – спрашивает одна девчушка.

Я объясняю: моя жена тоже работает. Кроме того, она ведет дом, да еще у нас двое сыновей. Так что я должен бы не только сам убирать свои вещи, но и по мере сил помогать ей по хозяйству.

— А у нас все убирает мама, — говорит один из ребят. — Или прислуга.

— И по-вашему, это нормально, хотя маме и прислуге так трудно наводить чистоту и порядок во всем доме? — спрашивает учительница. И добавляет: — Это значит относиться к людям как к рабам.

Новое раздумье. Потом мальчишеский голосок:

— А нельзя ли нам что-нибудь сделать, чтобы в классе было чисто и уборщицы не так уставали?

— Например, не пачкать столы, — подхватывает кто-то еще.

— Не бросать на пол бумажки, — соображают сразу несколько человек.

— Давайте начнем прямо сейчас!

И тут же один ученик ныряет под стол и поднимает с пола бумажку. Другой складывает книги стопкой, третий подбирает кусочки мела у доски. И вот уже весь класс с азартом чистит, драит и убирает.

Учительница и инспектор не верят своим глазам. Чтобы дети сами до такого додумались? И так охотно, так энергично взялись за дело? Простая история из жизни сделала то, чего было бы не добиться никакими внушениями, замечаниями и упреками.

6. Недоплата

Все было, как обычно: я купил билет и сел в поезд. Но по дороге пришлось пересесть в другой, скорый.

При выходе с перрона вокзальный контролер — тогда они еще не перевелись — сказал мне, что я должен оплатить разницу за проезд в скором поезде. Но народ валил валом, и я проскользнул в толпе, сделав вид, что ничего не слышал.

Об этом давнем случае я вспомнил как-то на запытии, посвященном честности. Кое-кто из ребят признавался в мелких кражах из магазинов самообслуживания. Признался в плутовстве и я.

— Вы?! Вы сами поступили нечестно, господин инспектор! Как же вы можете учить нас правдивности?

— Верно. Но что же мне делать?

— Напишите тому контролеру и спросите, сколько вы должны заплатить железной дороге.

— Хорошо, обещаю, что напишу.

Придя домой, я тут же взялся за перо, изложил контролеру суть дела и выразил готовность заплатить положенную разницу и штраф.

На следующем запытии меня встречают вопросом:

— Ну что, написали?

— Конечно.

— И что вам ответили?

Увы, к огорчению детей, никакого ответа я так и не получил. Настаивать, добиваться, писать снова? Этого я делать не стал.

Надо думать, в администрации железной дороги изрядно удивились моей просьбе и не знали, что на нее отвечать. В конце концов, верно, решили, что не имеет смысла усложнять себе жизнь ради нескольких франков.

Говорят, признание снимает половину вины. Но только половину. Я так навсегда и останусь должником железнодорожной компании, а компания так и останется при хроническом дефиците.

7. Праздничный пирог

Как-то раз ко мне зашел один педагог посоветоваться по поводу мальчика, которого много разучили в краже денег. Когда Рене — так звали мальчика — украл 200 франков, его исключили из школы.

— Ему всего десять лет, — говорил педагог. — Если я отправлю его в специнтернат, он попадет в такую компанию, что потом уж точно собьется с пути. Если же не остановить и не наказать его сейчас, то к восемнадцати годам он ради денег будет способен убить родную мать. Ему нужна нормальная школа, где бы ему не напоминали о прошлом, относились к нему по-доброму, но не позволяли распускаться.

Он оставил мне личное дело ученика, а я отнес его директору, которая так пеклась о трудных детях.

— На что мне личное дело? — возразила она. — Дайте взглянуть на мальчика.

Вскоре мать привела к ней нового питомца.

— Как тебя зовут? — спросила директор.

— Рене.

— Какой маленький для своего возраста!

Рене был радушно принят.

Но оказалось, что я запустил волка в овчарню. В классе, куда определили новичка, была общая касса, которой заведовали все ученики по очереди под руководством учительницы. И вот деньги стали пропадать, сначала мелкие суммы, потом покрупнее. Первое время учительница, замечая пропажу, возмещала ее из своего кармана и ничего не говорила детям. Но дело шло чем дальше, тем хуже.

Каждый год на Крещение в классе устраивался праздник, деньги на традиционный пирог с фасолиной откладывали заранее. И вот эти деньги исчезли!

Естественно, наш ближайший урок был посвящен этому происшествию. Все попытки усовестить виновника ни к чему не привели — никто не сознался. Положение сложилось крайне неприятное, об этом и заговорили дети:

— У нас все было так хорошо, а теперь каждый подозревает соседа!

— Так больше нельзя!

Стали искать выход.

— Надо запирать дверь на ключ во время перемен, — предложил один ученик.

— И шкафы тоже запирать! — добавил другой.

— И коробку с деньгами!

— Нет, так не годится! Это будет, как в тюрьме.

— Мы же не воры.

— Это кто-то чужой.

Праздничного пирога в тот год так и не испекли. Прошло немного времени, и я снова застал класс взбудораженным: на этот раз пропали деньги на столовую. Их вносили родители. И теперь некоторые дети остались без обедов. Это уже серьезно. Надо что-то делать.

Подозрения падали на Рене, который до сих пор как-то не вписывался в коллектив.

— Поговорите с ним, — просили дети. — Он сейчас в мастерской.

Я пошел в мастерскую и застал Рене за работой: он склеивал модель самолета. Я заговорил с ним в открытую:

— Ты слышал, что пропали деньги? Ребята возмущены. А ты что скажешь?

Он ответил мгновенно:

— Деньги взял я. Им всем родители дают, а мне никогда.

— И что же теперь?

— Я бы отдал назад, но у меня уже ничего нет.

— Как ничего нет?

— Я купил ракеты и попускал с друзьями фейерверк.

— А ты повторишь это перед всеми? Может быть, ребята придумают, что делать.

Рене пошел со мной в класс, признался в краже и сказал, что хотел бы исправить дело, но не знает как.

Класс задумался. И тут девочке-казначеею пришла в голову дельная мысль.

— У нас остались общие деньги, — сказала она. — Мы можем пока отдать их на обеды, а Рене со временем возместит то, что взял.

Предложение понравилось, но многие еще сомневались:

— А если Рене опять примется воровать? Следить за ним, что ли?

— Может, дать ему исправительный срок?

— Что же, нам и дальше играть в сыщиков?

— А когда придет его очередь быть казначеем?

Наконец молчаливый и не по годам смысленый мальчуган высказал главное:

— Мы можем простить его. Можем призвать его быть честным. Но решать должен он сам. Мы ничего не можем сделать вместо него.

Стого дня все наладилось, пропажи прекратились.

Наконец закончился учебный год, и по этому случаю в школе, как обычно, устроили праздник с буфетом и аттракционами. Рене получил от родителей три франка. Ребята кутили вовсю и потратили все, что у них было. Рене же играл только в бесплатные игры и ничего не покупал: ни пирожных, ни сока, ни конфет. А заветные три франка крепко сжимал в кармане.

Вечером он с решительным видом зашел в кабинет директора и протянул ей сбереженные монеты:

— Вот, возьмите. Это в счет долга.

Больше в классе никогда ничего не пропадало. У Рене прояснился взгляд, ему теперь как нельзя лучше подходило его имя*.

* *René* – по-французски означает «возрожденный».

8. Шефство

Что делать, когда в классе собраны дети с таким разным уровнем успеваемости?

Учительница предложила установить шефство, причем шефы и подшефные сами выберут друг друга на определенное время, в зависимости от сложности задачи и особенностей характера. Подбор оказался делом долгим и непростым. Ребята советовались, несколько раз выносили вопрос на совет класса.

Наконец все утряслось, началась работа, а там настал день, когда мы на занятии смогли подвести первые итоги. Я был поражен тем, как трезво дети судили о себе.

Например, самый взбалмошный мальчишка, который никак не мог поладить с шефами, рассказал, что уже задумал сбежать из школы, но его вовремя удержала учительница. Вот как он объяснил, почему хотел бежать:

— Совесть говорит мне, как надо поступить. Но мне ужасно не хочется, и я ничего не могу с собой сделать.

Десяти-одиннадцатилетние дети преподали мне настоящие уроки педагогики.

— Мой шеф всегда старается подробно объяснить мне все до капельки, а у меня от этого пухнет голова, и я больше ничего не воспринимаю. Мне нужно хоть изредка посидеть спокойно и подумать самому.

— А мой слишком мягкий. Разрешает мне делать, что вздумается. Со мной нужно поостроже.

Вот еще высказывания:

— По-моему, я уже сделала для своей подшефной все, что могла. Теперь ей нужен другой шеф.

Это сказала девочка, которая подтягивала не умеющую читать одноклассницу. Для начала она брала у учительницы подготовительного класса карточки и занималась по ним на переменах. Теперь же ученица доросла до следующего уровня, и пора было сменить преподавателя.

— Главное, — очень точно подметил один мальчик, — чтобы в тебя верили и тебя хвалили, а не шпыняли, не злились, не ругали. Иначе опускаются руки.

А какие тонкие психологические наблюдения я услышал:

— Моя подшефная все время как будто спала. Теперь же у нее появился интерес к тому, что происходит вокруг.

— А мой совсем не так плох, как кажется. Просто им управляют другие: подначивают его на разные гадости и глупости, которых сами не сделают из страха. А он делает, чтобы доказать свою лихость. Ну, а как начнет — уже не может остановиться.

Один тандем оказался особенно удачным. Мальчик, отлично плававший, но плохо читавший, раз в неделю тренировал девочку, которая боялась воды, зато хорошо читала. Оба преуспели на удивление: один в чтении, другая в плавании.

Это была прекрасная школа взаимного обучения и воспитания. В конце года ребята пришли к выводу, что шефство оказалось полезным для всех:

— Если бы не шефы, я бы остался на второй год.

— Раньше, когда учительница объясняла на уроке, я ничего не понимал, а шеф все мне растолковал, и теперь дело пошло на лад.

9. Помогите!

«Дети не бывают плохими. Ребенок плох, когда ему плохо». Так думала директор. И принимала в свой класс всех учеников, от которых отказывались ее коллеги. Хотела доказать, что неисправимых нет.

— Ну-ну! — посмеивались другие учителя. — Развлекайтесь, коли есть охота!

Она же, вопреки всему, упорно стояла на своем, стараясь не упустить обнадеживающих проблесков во тьме. А тьмы было море.

Приняла она и долговязого Поля, очень неровного, непредсказуемого, вспылчивого парнишку. Когда на него находило, с ним никто не мог справиться. Но бывали и светлые периоды, когда он становился довольно общительным и покладистым.

Родители Поля развелись. Он жил с матерью и был очень привязан к ней. Она работала, так что Поль обедал в школьной столовой. Но иногда мама вырывалась на обед домой, и тогда Поль поровил в перерыв сбежать из школы, чтобы побыть с ней.

В один из таких дней Поль пришел домой, но матери не застал. Тогда он в бешенстве решил поджечь квартиру. Одна спичка — чирк! — и загорелись занавески. На счастье, соседи увидели дым и вызвали пожарных. Те подоспели вовремя, и большой беды удалось избежать.

В конце концов мать повела мальчика к психиатру, который направил его в больницу.

Наше очередное запятое-раздумье было посвящено отсутствующему товарищу — думали глубоко и серьезно:

— Он не в состоянии с собой справиться, его несет.

— Он как будто вошел в роль, из которой не может выйти.

— Он хочет привлечь к себе внимание, неважно чем: очень хорошими поступками или очень дурными.

— В плохие дни он может испортить все, что сам сделал раньше.

— Как же ему помочь теперь, когда он в больнице?

Учительница сказала, что на выходные Поля отпускают домой к матери. Тут же посыпались идеи:

— А что он делает в субботу?

— Можно позвать его к нам в кружки.

— Ему будет с нами хорошо, и он исправится.

Так Поль стал регулярно бывать на субботних собраниях и занятиях, наравне с другими обсуждать расходы из общей казны, участвовать в подготовке ежегодного школьного праздника.

И вот торжественный день наступил. Школа гудела, как улей, собрались все родители. Дети гордо демонстрировали свои таланты. Только мать Поля не пришла. Не до него было и товарищам. У всех праздник, радость, только ему одиноко и плохо. И в нем снова проснулся бес.

Раз — и лопнул надувной аквариум с рыбками.

Раз — и медленно осел шатер, под которым сидела одна из мам в костюме гадалки. Родители были возмущены, Поля с позором прогнали.

А ведь он ждал этого праздника, готовился к нему, работал вместе с друзьями! Непостижимо... Это был удар для всего класса.

В следующую субботу Поль пришел понурый и виновато сказал:

— Ко всем пришли родители, а кто мне нет. И мне захотелось все бить и крушить. Помогите мне! Я иногда сам не знаю, что делаю.

10. Мосты

В этой школе всегда радовались любому гостю, начиная с инспектора. Кроме штатных учителей тут было много людей со стороны. Дважды в неделю они вели, по договорам или на общественных началах, разные кружки: музыкальные, танцевальные, спортивные, столярного дела, вязания и т. д., — в которые мог записаться кто угодно, независимо от возраста и способностей.

Заходили и в классы — побеседовать, ответить на вопросы. Так пришли в школу друг одного из родителей — гитарист и друг инспектора — мим; пришли и остались учить детей своему искусству. Все поголовно увлеклись пантомимой и выдумывали сценки: одни разыгрывали, другие разгадывали. Как-то раз мальчик, прежде отличавшийся воровскими наклонностями, изобразил полицейского, который ловит вора. Таким образом он выворачивал наизнанку свое прошлое, изживал его в игре.

Африка

Однажды в школу пришли двое африканцев, один из Того, другой из Габона, оба в национальных костюмах. Здесь, во Франции, они проходили педагогическую практику. Сначала они рассказывали об Африке, а потом о впечатлении, которое произвела на них наша страна. Упомянули и о неприязни со стороны французов, с которой им пришлось столкнуться. Перед одним из них хозяин кафе захлопнул дверь, другой, сидя в поезде, почувствовал, что белые попутчики брезгливо и с опаской косятся на него.

Школьники засыпали гостей подарками: надарили сувениров, открыток с видами города.

— Нигде во Франции нас не принимали так тепло, — сказали африканцы, прощаясь с ребятами.

Мир труда

Рассказать о своей профессии пришли как-то бывший машинист метро и несколько докеров. Говорили о том, как, несмотря на трудности, они старались и стараются честно работать.

Докеры признались, что прежде нередко подворовывали при разгрузке товаров в порту, но теперь покончили с этой привычкой. В конце встречи один мальчик протянул им горсть игральных шариков и сказал:

— Отдайте это вашим своим детям. Я тоже иногда жульничал, и многие шарик у меня ворованные.

Друг еврей

В 1980 году Францию всколыхнуло известие о теракте в синагоге на улице Коперника в Париже. Президент Республики, глава правительства, лидеры политических партий и профсоюзов — все выражали возмущение, толпы людей вышли на демонстрации под лозунгам: «Нет расизму!»

Министерство образования рекомендовало учителям провести со школьниками беседы — рассказать, что такое расизм и какое зло он несет.

С этим я и пришел в один класс. Ученики подготовились заранее, принесли вырезки из газет с подробным описанием происшествия. На месте преступления был оставлен мотоцикл. Эта деталь особенно будоражила их воображение. Откуда приехал преступник? На стенах класса висели фотографии многолюдных митингов протеста в Париже и провинциях.

— У кого-нибудь из вас есть друзья евреи? — спрашиваю я. — Вы знаете имена выдающихся общественных деятелей, артистов, писателей — евреев?

Среди учеников этого класса евреев нет. И друзей евреев тоже ни у кого нет.

Но вот один чернокожий мальчик поднимает руку. И с озорным блеском в глазах говорит:

— У меня есть друг еврей. Это Иисус Христос, Царь Иудейский.

Шляпа

В другой класс по моей просьбе пришел один мой знакомый и рассказал, что он видел и слышал вечером того дня, когда было совершено покушение.

Он решил в знак солидарности пойти в синагогу. Хотя он и не еврей, но знает, что по иудейскому обычаю в синагогу положено входить с покрытой головой.

Он купил широкополую шляпу и присутствовал на вечернем богослужении, во время которого раввин произнес замечательные слова:

— Вы хотите бороться с расизмом? Это очень просто. Никогда не говорите дурно ни о ком, особенно за глаза, и не слушайте, что болтают другие. Если при вас о ком-то злословят, смените тему разговора.

Мой друг пересказал эти слова школьникам. Дети внимательно выслушали. Может быть, они запомнят этот мудрый совет и при случае воспользуются им. А может быть, запомнили бы еще лучше, если бы знали, что случилось с моим другом дальше.

На обратном пути из синагоги его на перекрестке сбил велосипед. Он сильно ударился головой о тротуар, но широкие поля шляпы смягчили удар.

Велосипедист перепугался еще больше, чем он сам!

«Должно быть, — подумал тогда мой друг, — меня спас Бог евреев!»

Правда, школьникам, уважая принципы светского образования, он этого не сказал.

Поколение дедов

Несколько раз я приглашал в разные классы своих старших друзей, людей преклонного возраста. И каждый раз дети и гости были в восторге друг от друга.

Роберу 92 года, но он еще очень бодр, и ему страшно понравилась новая школа, куда я его привел. Она располагалась посреди квартала типовых многоэтажек, но стояла в глубине двора, окруженная соснами. Стены выкрашены в яркие цвета, внутри просторно, из окон видны деревья.

Робер зашел в класс и увидел три десятка девчонок и мальчишек семи-восми лет, с приветливыми мордашками, все одеты в яркие свитера.

— Вам не надо носить черную форму, которую напяливали на нас? Счастливые! И у каждого отдельный стол и стул! Какой уютный класс! Не то что в мое время: мы сидели по четверо или по пятеро на длинных скамейках, приделанных к тяжеленным партам, лицом к доске.

Детям было страшно интересно, посыпались вопросы:

— А велосипеды у вас были?

— Девочки и мальчики ходили в одну школу или в разные?

— Вы говорите, дома не полагалось спорить со старшими. А в школе?

— В школе мы вообще не раскрывали рта. Бывало, вечно трясешься: вдруг тебя вызовут, а ты плохо ответишь! У вас же так весело, так красиво, такая свобода! Вы живете в удивительное время, когда все вокруг так быстро меняется. Меняется весь мир, и от вас зависит, каким он будет.

Дети зачарованно слушали — этот энергичный старик открыл им глаза, нарисовал такие заманчивые перспективы, о которых они не подозревали. Для них это был отличный подарок.

Робер же получил заряд радости от общения с молодым поколением.

11. Сторож

Последнее воскресенье апреля — день памяти жертв нацистских концлагерей. Все ученики слышали о войне, о Сопротивлении, о депортации и истреблении целых народов. Многие смотрели фильмы и передачи на эту тему. Кое-кто видел отрывки из фильма «Холокост» и знает, что такое геноцид евреев.

Но в этом году память о прошлом оживила — ребята воочию увидели бывшего узника.

Незадолго до того дня директор школы сказала мне:

— Наш сторож провел два года в Маутхаузене. Дети об этом не знают. Хорошо бы упросить его рассказать о себе.

Я пошел к сторожу.

— Нет, — ответил он на мое предложение, — я не умею говорить на людях и не хочу выставлять себя напоказ. Ничего героического я не совершил. Просто, когда пришли нацисты, стал участвовать в Сопротивлении. Меня отправили в лагерь. Я выжил, потому что был молод. То, что пришлось вытерпеть, было ужасно. Хвалиться тут нечем. Я никогда не рассказываю об этом кошмаре даже дома. А уж тут...

Я молчал. Он же, покачав головой, сказал:

— Вообще-то, наступит время, когда моим внукам пора будет узнать о том, что со мной было. Чтобы такое никогда не повторилось. Здесь, в школе, дети хорошо ко мне относятся, помогают выкатывать тележку с мусорными баками. Пожалуй, я подумаю...

В назначенный день сторож пришел в класс и принес с собой полосатые штаны и кепку, книгу памяти узников концлагерей, фотографии, в том числе те, которые он сам сделал в прошлом году, когда съездил в Австрию: весна, зеленая трава на месте, где был его лагерь.

Очень быстро, всего за четверть часа, и очень просто он рассказал свою историю. Его и еще несколько подпольщиков арестовали по доносу. Сначала отправили в Компьень, а оттуда в Маутхаузен — трое суток дороги в задраенном вагоне, без пищи и воды. Описал лагерную жизнь: принудительные работы, единственная еда — кормовая свекла. Бесконечные утренние и вечерние переключки в любую погоду. И каждый день боль и смерть.

Он потерял все зубы и волосы. Весил к моменту, когда лагерь освободили американцы, 32 килограмма.

Дети слушали затаив дыхание. Одна девочка не выдержала и попросила разрешения выйти и переждать в соседнем классе, а вернуться, когда рассказ закончится и начнется обсуждение.

Самого гостя взволновала живая реакция класса.

— Моей внучке девять лет, и она иногда спрашивает, что я делал во время войны, — сказал он под конец. — Теперь я расскажу ей.

Потрясенные дети еще долго сидели молча. Некоторые плакали. Наконец один мальчик решился заговорить с почтением и восхищением:

— Сколько нужно мужества, чтобы вынести такое!

— Спасибо, что вы пришли и все это нам рассказали, — прибавил другой ученик. — Вам повезло, что вы остались живы. Наверное, вам помогла сила воли.

— Да, мне повезло. В нашей подпольной организации арестовали всех поголовно, а вернулось впятеро меньше народу. Я был очень выносливым. После избиений меня выхаживали товарищи. И мы все верили в победу союзников. Это придавало сил.

— Вы ненавидите немцев?

— Как я могу их ненавидеть? Среди заключенных в лагере были и немцы. Это была война. На войне всегда бывают зверства. Когда в прошлом году я приезжал в те места, то встретил старую, восьмидесятилетнюю немку, и она сказала: «Нацизм — это был такой ужас!»

Дети трогали костюм из бумаги и опилок, разглядывали фотографии живых скелетов. Один мальчик примерил кепку узника.

— Ну, а потом снова настала нормальная жизнь, — улыбнулся сторож. — Я женился, у нас с женой четверо детей, есть уже и внуки. В будущем году ухожу на пенсию. А пока... мне пора — работа не ждет!

Он ушел, а мы еще долго беседовали. Говорили об уничтожении евреев. О вине тех, кто потворствовал фашизму, и не только в Германии. О том, как сильна в человеке воля к жизни, о героизме, которого не сломило поражение.

А в конце один мальчик довольно неожиданно, но вполне резонно сказал:

— Тем, что у нас каждый день остается в столовой на тарелках, можно было бы прокормить целый лагерь!

12. Здравствуйте!

Я пришел в школу для детей-инвалидов. В первом же классе меня неожиданно встретили оживленные, сияющие лица.

К самой двери подкатила в кресле на колесах больная синдромом Дауна девочка и с жаром выкрикнула: «Здравствуйте!» Удивленный, я стараюсь ответить так же сердечно. У меня мгновенно меняется настроение: вместо неловкости и сочувствия я ощущаю радость, оттого что очутился здесь.

— Спасибо вам за посещение, — говорили ребята, когда наша беседа закончилась.

— Это вам спасибо, — отвечал я, — за радушную встречу, за то, что вы заразили меня своим жизнелюбием.

Когда я был маленьким и жил в деревне, в Эльзассе, мы встречали учительницу так: весь класс вставал и хором, с ужасным местным акцентом, кричал:

— Страсьте, матмазель! Допрый день!

Сегодня, когда входит учительница, дети болтают себе как ни в чем не бывало. Какое там «здравствуйте», какой «добрый день»!.. А ведь это так естественно: пожелать, чтобы день был добрым. Приветствие — это утренняя улыбка, первое движение навстречу другому человеку, навстречу миру. Приветствием меньше — значит, меньше частичкой добра на земле.

Одна учительница младших классов решила изменить положение. Но взялась за дело не так, как кое-кто из нас помнит на собственном горьком опыте: повелительное «скажи тете здрасьте!» и шлепок впридачу, — нет, она просто положилась на силу примера.

Утром, входя в класс, она с улыбкой говорила:

— Здравствуйте, дети!

И ничего не ждала в ответ. Но уже с первого дня некоторые стали отвечать сами. Мало-помалу приохотились и другие. А к концу четверти у всех учеников вошло в привычку здороваться.

Однажды перед обедом кто-то из ребят предложил:

— Давайте и с буфетчицей здороваться!

Все согласились.

Изменилась вся атмосфера. Здороваться стали с другими учителями, друг с другом и даже с незнакомыми людьми на улице.

Как приятно, когда тебя встречают улыбкой и замечательными словами: «Здравствуйте! Добрый день!»

13. Простите!

Местное радио и телевидение сообщили о страшном преступлении: молодой парень убил ребенка. Школьники, как и весь город, были в ужасе.

Когда начался процесс, обвиняемого на пороге суда окружила разъяренная толпа с криками: «Смерть убийце!»

В то время во Франции еще существовала смертная казнь, хотя в обществе уже широко обсуждалось, не следует ли ее отменить. Присяжные отклонили смертный приговор.

На очередном «уроке раздумья» дети пересказывали мнения взрослых, которые слышали дома, и добавляли собственные суждения.

— Это страшное злодейство.

— Он убил человека. И может снова убить. Его надо уничтожить.

Так думали одни. Другие возражали:

— Он не сознавал, что делает.

— Он может измениться.

— Может раскаяться.

— Нельзя осуждать человека навеки.

В газетах писали, что убийца, все время суда просидевший с безучастным видом, вдруг очнулся, когда произносили приговор, и попросил прощения у родителей жертвы.

И у нас в классе зашел разговор о прощении.

— Когда что-нибудь натворишь, остается только просить прощения, — вздохнул один мальчишка.

— Да, но всегда так не хочется, — добавляет его соседка. — Просить прощения очень трудно. Нужно набраться смелости.

– Конечно, – подтверждаю я. – И еще нужно обладать редким качеством: смиреннием. Уметь признавать другого выше себя.

Дети меня поняли.

– А если тот, кому я причинил зло, не захочет простить меня? И никогда не простит?

– А если он воспользуется тем, что я прошу прощения, чтобы меня унизить?

Есть над чем подумать!

– По-моему, – произносит одна девочка, – это ничего не меняет. Если кто-то не хочет меня простить, это его дело. А мое дело – попросить прощения, и тогда уже ничего не страшно.

«Простите» – машинальное словечко на случай, если нечаянно толкнешь кого-то на улице или опередишь в дверях.

«Простите» – вежливое слово, амортизатор в человеческих контактах.

И еще, как сказала на том нашем занятии другая девочка:

– «Простите» – это слово, которое очищает душу.

14. Нантский опыт

Целый год продолжались мои воспитательные беседы с учениками одной из нантских школ. На следующий год этот опыт распространился на другие классы и соседнюю начальную школу. Все вместе мы обсуждали чешский кукольный мультфильм о вреде алкоголизма (пьяный каменщик построил стену, которая обрушилась и чуть его не убила) и английский фильм о трех волшебных словах («пожалуйста», «спасибо» и «простите»). Дети иногда высказывали более глубокие мысли, чем взрослые.

Как и в других школах, у нас бывали административные сложности. Однажды из-за сокращения штатов собрались расформировать один класс. Родители учеников устроили демонстрацию протеста перед зданием Управления образования. Но взаимное уважение и доверие не прекращались никогда. Твердо, но вежливо составленное родительским комитетом письмо заканчивалось так: «Этот инцидент тем более огорчителен в школе, где происходят благотворные перемены и где думают о детских душах».

Трое из семи трудных ребят перешли в следующий класс normally, двоих перевели с обязательством посещать дополнительные занятия, двоих пришлось оставить на второй год, но и они получили ценный навык жизни в коллективе, который вполне «подготовил их к существованию в обществе, основанном на уважении каждого к себе и к другим» (из министерской инструкции 1977 года).

Глазами педагога

(Из отчета учительницы)

В беседах затрагивались самые разные темы: жизнь, смерть, старость, дружба, события в мире, праздники, школьная дисциплина, работа с отстающими.

Исходной точкой всегда служили реальные примеры, известные всем или многим. Мы не читали нравоучений, а только разбирали факты. Дети сами делали выводы.

В начале каждого занятия каждый думал про себя и, если хотел, делал заметки на бумаге, затем все высказывали или зачитывали свои соображения и обсуждали их.

Я заметила, что, привыкнув обдумывать свои слова, дети говорили искренне, разумно, подчас проявляли удивительную зрелость суждений. Вот несколько примеров.

Школьники проследили, как общество потребления исказило представления о ценности рождественских подарков. Отметим, сколь велика роль семьи в этом празднике. Вспомнили об обездоленных детях, для которых любая игрушка в хорошем состоянии может быть желанным подарком; об одиноких стариках.

Интересным получился разговор о рекламе, о том, как средства массовой информации могут раздуть славу одних и оставить в тени других, ничуть не менее достойных. Один ученик сравнил шумиху, поднятую вокруг смерти эстрадного певца Клода Франсуа, со скромными похоронами своего дедушки, деревенского мэра.

Разумеется, мы не могли решить на занятиях всех проблем, но дети научились самостоятельно думать, в одиночку и все вместе, научились прислушиваться к чужому мнению. И это, безусловно, сделало их более ответственными и самостоятельными.

Глазами детей

(Из сочинений на заданную тему)

Мы узнали, что такое нравственное воспитание. Узнали, как можно сделать лучше и интереснее жизнь в классе.

Мы рассуждали о событиях в мире и о своих отношениях с окружающими.

Мы поняли, что такое честность, уважение к людям, бескорыстность, и попытались применить эти понятия к своим поступкам.

Нравственное воспитание помогает лучше понять себя. На этих занятиях мы находим ответы на вопросы, которых никогда не разрешили бы сами.

Все высказывают то, что думают. А хорошо обдуманное может пригодиться в жизни.

Нравственное воспитание было бы полезно всем детям, потому что все должны знать о таких вещах, как любовь, война, мир, расизм, лицемерие, алкоголизм.

Кто не знает нравственных принципов, тому будет трудно ладить с людьми.

Оказалось, мы никогда не думаем все одинаково. Это научило нас прислушиваться к другим мнениям и уважать их.

Если кому-то грустно, его можно позвать в игру. Если у кого-то беда, ему можно помочь. Даже незнакомым людям можно просто сказать «добрый день!» — и они станут вашими друзьями.

Если сделаешь что-то плохое, надо попросить прощения. Тогда люди будут к тебе добрее.

Кто привык говорить «спасибо» и «пожалуйста», тот стал вежливым, а это очень важно.

Мы встречались с людьми из других стран и научились понимать и любить их.

15. Святые-миряне и мученики-инспекторы

Из Нанга меня перевели в Ниццу, в учебный округ, куда входили неблагополучные кварталы. Работы тут был непочатый край, и я продолжил в этих нелегких условиях занятия нравственным воспитанием.

Едва я приехал, главный инспектор округа послал меня в одну деревню: «Проверьте, что там творится. Тамшний учитель пренебрегает нашими инструкциями и вообще плохо разбирается в организации учебного процесса. Мне кажется, он раздувает штаты. А у нас, как вы знаете, нет средств открывать новые классы».

Отправляюсь на место. Школа с одним-единственным классом стоит на холме, окруженная деревьями в осеннем уборе.

В классе неправдоподобная тишина. Отдельного учительского стола на помосте нет. Да и самого учителя я разглядел не сразу. Он сидел где-то в середине класса, окруженный учениками, и вносил последние исправления в письмо африканским друзьям по переписке. Остальные склонились над книгами и тетрадями — учитель составил для каждого индивидуальную программу.

Все работают так сосредоточенно, что кажется, в классе не тридцать с лишним человек, а гораздо меньше.

На стенах висят детские рисунки и внутренний распорядок — листок с текстом, под которым расписался каждый ученик.

Я бы только мечтал о таком классе для своих детей. Точно так же думают родители всех детей в окрестностях, а многие даже переезжают поближе к этой школе.

— Я не могу взять всех желающих, приходится отказывать людям, — сказал учитель, он же исполняющий обязанности директора школы. — Как хорошо было бы открыть еще один класс!

Я уезжал, убежденный, что встретил незаурядного, достойного всяческой поддержки педагога и что его просьбу об открытии второго класса необходимо удовлетворить.

— Как! — воскликнул главный инспектор, прочитав мой отчет. — Я посылаю вас изыскать возможность сокращения штатов, а вы предлагаете их расширить! Это же нож в спину!

Вскоре, во время официального банкета по случаю начала года, меня представили начальнику округа.

— Ага! Значит, это и есть новый инспектор-саботажник, — произнес он без тени иронии.

Я попытался что-то объяснить, но он не слушал. И еще несколько раз за столом повторил свои упреки, испортив мне удовольствие от банкета.

На следующий год решением министерского совета штатное расписание было пересмотрено и второй класс в той деревенской школе открыт. Это упрочило мою репутацию в глазах общественности, но не собственного начальства.

И тут учитель подает новую заявку: просит, чтобы его утвердили методистом, а школу сделали базой для стажировки студентов-педагогов. Квалификационная комиссия, куда входил и я, высоко оценила его деятельность. Я написал еще один хвалебный отзыв и рекомендовал присвоить ему высшую категорию.

Описав организацию работы в классе и исключительный талант учителя, я закончил этот документ словами: «Бывают святые и среди мирян».

Представление было отослано в управление, но утверждения учителя в новом качестве так и не последовало.

Может быть, бумага затерялась? Учитель беспокоился, делал запросы.

Нет, ничего не затерялось, отвечали ему. Но решение вопроса отсрочено. Надо ждать.

Время шло. По-видимому, бюрократическая машина забуксовала. Что ж, это не меняло главного: учитель все так же превосходно работал, и его школа процветала.

И вдруг, когда, кажется, надежды уже не оставалось, представление вернулось — утвержденное и с припиской: «Бывают не только святые среди мирян, но и мученики среди инспекторов, вынужденные открывать новые классы, не имея на то средств».

Это означало примирение с начальством!

— Мы не замечаем подлинных сокровищ у себя под ногами, — сказал мне высокий чиновник из министерства.

Класс талантливого учителя стал образцовым. К нему присылают студентов учиться педагогике, основанной на доверии и уважении к детям. Наладился обмен опытом с учителями из других департаментов. Каждая делегация иностранных преподавателей, приезжающая во Францию познакомиться с последними достижениями, непременно бывает и здесь.

А учитель, не обращая внимания на шум, поднятый вокруг его имени, продолжает идти своим путем, по-прежнему немногословный и внимательный к детям.

16. Маленькие наркоманы

Что с детьми? Заболели? В классе эпидемия?

Учительница приготовительного класса в школе микрорайона типовых многоэтажек обеспокоилась странным видом нескольких учеников. Говорят с трудом, работать на уроках совсем не могут. Сидят какие-то сонные, с полуоткрытым ртом и воспаленными глазами.

Но вот кто-то из учителей нашел на газоне у школьного стадиона десятка два тюбиков из-под клея «Диссопласт», а кто-то из родителей рассказал, что отвел в полицию семилетнего мальчугана, который шел по улице совершенно не в себе, такой же, как неизвестно чем захворавшие приготовишки. Другие родители из того же квартала замечали, что ребята сбиваются в компании и, засунув голову в пластиковый пакет, шлоають резиновый клей.

Директор школы получал тревожную информацию со всех сторон, в том числе от монахини из организации «Помощь семье» — сестре удалось войти в доверие одной из таких компаний. Поветрие было недавним, но распространялось очень быстро. Нюхали не только клей, но и растворитель, бензин, эфир.

Приготовишки не таились:

— О, мадам, мы теперь не скучаем!

— Больше ребята приносят клей и пакеты. Засунешь голову — и так здорово! Все плывет и как будто видишь сны.

— Это ведь не запрещено. Клей продается во всех веломагазинах и мастерских.

— Правда, на другой день чувствуешь себя неважно.

— Разве вы не знаете, что это очень вредно? — спросила изумленная учительница. — От этого можно умереть.

И услышала от самого старшего в классе мальчишки — ему уже исполнилось семь — ответ, который ее доконал:

— Подумаешь! У нас же много жизней!..

Некоторые учителя разводили руками:

— Вы же видите, ничего тут не сделаешь. Это происходит за стенами школы. Смотреть за детьми — дело родителей. С них и спрос.

— Но это и наши дети, раз они ходят в нашу школу. Они же соображают, что делают. Для них вдыхать пары клея, которые поражают нервные центры, все равно что сосать конфеты или гонять мяч. Надо спасать детей и срочно, пока еще можно остановить зло.

В лицах и коллегах эта зараза укоренилась уже давно, и вот теперь она проникла к малышам.

Приближались летние каникулы.

— Если мы останемся безучастными, что станет с детьми к сентябрю? — сказал мне директор.

Я поддержал его, и нам удалось созвать всех, кого так или иначе касалась проблема: родителей, педагогов, работников социальных служб, священников.

В таком нестром собрании нелегко было прийти к общему мнению. Как должны родители, учителя, полиция, власти и общество в целом относиться к легким и тяжелым наркотикам? Что лучше: терпимость или строгость, к тому же необоснованная?

Итак, что же делать? Разослать письма во все инстанции: президенту, министрам, префекту, мэру? Запретить продажу клея?

Молодежи было мало. Только один парнишка воспользовался случаем пожаловаться, что его не пускают в местный спортзал.

Кто-то сказал, что дети чаще всего собираются у двоих братьев — их мать весь день на работе, а они шатаются без дела и водят домой приятелей.

Это замечание напомнило, ради чего все собрались: создалась опасная ситуация, требующая безотлагательных действий. Решение надо найти здесь и теперь. Тут же выявилось множество трудностей, и среди них главная: родители не могут найти общий язык с собственными детьми.

Иногда разговор становился сумбурным — не беда, это ведь не ученый диспут, а откровенная беседа, люди делились своими знаниями и сомнениями, чтобы найти выход, чтобы, так сказать, «изгнать бесов».

Постепенно собрание превратилось в военный совет, и был выработан план борьбы с наркотиками, в который вошли конкретные, быстро осуществимые меры. Было предложено:

усилиями полиции пресечь фэкет четырнадцати-, восемнадцатилетних подростков по отношению к малышам;

завести в микрорайоне не меньше спортивных и культурных центров, чем в старых городских кварталах;

открыть на лето стадионы и спорзалы для бесплатного посещения;

снизить для детей из малообеспеченных семей плату за занятия в аэроклубе.

В сентябре решено собраться снова и посмотреть, что получилось.

Кроме того, разумеется, родители будут начеку и постараются внимательно приглядываться к детям, своим и соседским.

В завершение учрежден комитет защиты культурной среды, который должен заботиться о том, чтобы жизнь в микрорайоне стала ярче, устраивать праздники, конкурсы, например, на самый красивый двор или балкон.

Муниципальный совет, собравшийся на экстренное совещание вскоре после нашего собрания, постановил сделать на лето общедоступным аэроклуб и на всех спортплощадках и теннисных кортах открыть бесплатные секции.

— Раньше, чтобы выбить в мэрии автобус для поездки с детьми на пляж, нужно было сто раз туда позвонить, а теперь я это легко сделала за один день, — радовалась активистка из родительского комитета.

Беду приняли близко к сердцу все: муниципалитет, спортивные клубы, власти микрорайона, — и она отступила.

Педагоги и все местные жители вовремя забили тревогу, ответственно и сообща подошли к делу — это не могло не принести результатов.

17. Она не обманет!

— Он первый в меня бросил! — вопит встрепанная девчонка и продолжает швыряться мелом.

Белые кусочки пропосытся из конца в конец класса.

Так завершается неудачное утро. Я почувствовал неладное, едва зашел в класс. Дети вертелись и шумели. Учитель, временно заменяющий основного педагога, вел урок грамматики, но ученики не обращали на него внимания. Я попробовал предложить им упражнения в форме игры — это утихомирило крикунов минут на десять, не больше. Не помогали никакие педагогические ухищрения.

Наконец прозвенел звонок, и все гурьбой ринулись к двери.

— Не понимаю, что с ними сегодня, — оправдывался учитель. — Обычно они ведут себя гораздо лучше.

— Я зайду к вам еще, — пообещал я.

Но в душе остался неприятный осадок: я тоже не понимал, что стряслось.

На обратном пути я зашел в булочную и увидел там ту самую девчонку.

— Какая муха вас сегодня укусила?

— Мы разозлились. Учитель обманул нас. Обещал, что будет физкультура на стадионе. Уже и автобус стоял. А тут пришли вы, и в последний момент он все отменил. Устроил грамматику, а она у нас уже была первым уроком.

Она помолчала и прибавила:

— И вообще, наша учительница лучше, уж она-то нас никогда не обманет!

Недоразумение? Оплошность? Молодой учитель, не слишком уверенный, что сумеет хорошо провести урок физкультуры, решил не рисковать и повторить перед инспектором грамматику.

Казалось бы, мелочь, но из-за нее потеряно доверие класса.

18. Окурки

В новом классе сразу начались неприятности.

Муниципалитет открыл его по просьбе родителей – старый был переполнен. Помещение для занятий отвели в мэрии, учителя поставили совсем молодого.

Прошло всего несколько дней, и служащие мэрии стали жаловаться, что дети шумят и мешают работать. Мэр позвал меня на помощь.

Меня встретили тишиной. Я объяснил детям, что родители позаботились о них и теперь у них новый класс, где не так много учеников. А комнату для занятий уступили мэру и его помощники. Так нужно же подумать и о них, не говоря о молодом учителе.

– Как они могут работать, когда вы шумите?

Детям лет по десять – двенадцать, они легко все поняли и решили:

– Установим правила поведения!

Придумывали все вместе: не прыгать по столам, не дергать друг друга за волосы, не курить в классе, не бегать по классу во время урока.

Все в отрицательной форме, но для начала пусть хоть так. Наведем порядок – а там мало-помалу выработаем нормальные правила коллективной жизни.

«Кодекс» повесили на стенку, и дети были страшно довольны собой. Перед уходом я тихо посоветовал учителю убрать со стола окурки.

– Я курю только на переменах, – сказал он. – Чтобы расслабиться.

Я пришел в класс через неделю и никаких изменений к лучшему не нашел. Служащие все так же жаловались на шум.

– А как же правила поведения? – спросил я учителя.

И вижу – у него на столе опять окурки.

Он махнул рукой:

– Бесплезно. Они все забыли через три дня, хотя листок висел у них перед глазами. Я заставил их переписать правила десять раз, но стало только еще хуже.

Странно? Ничуть. Учитель не понял простой вещи.

– Он же сам курит в классе! – оправдывались дети.

Пришлось искать другое решение.

После совещания между муниципальными советниками, родителями и управлением учебного округа учителя отправили на курсы повышения квалификации, а учеников временно вернули в прежний класс.

И, хоть он был переполнен, дети быстро снова вошли в рабочий ритм. Внутренний распорядок не висел здесь на стенке, да этого и не требовалось: он давно стал органичным, действительно внутренним как для учителя, так и для детей..

19. Вольное племя

— Смотрите! Вот они!

Здрав головы, дети со страхом и некоторой завистью глядят на трех цыганских мальчишек, которые забрались на макушку дерева. Ветер треплет их длинные шевелюры вместе с зелеными ветками. Фавны, эльфы — кто угодно, только не школьники. Опять они удрали от учителя. Уж тут-то он их не достанет!

Между тем они такие же ученики, как все остальные, записаны в школу по всей форме. У них даже есть свой особый класс — новенький корпус в глубине двора — и свой учитель.

Раньше маленькие цыгане ходили в разные классы и везде срывали дисциплину — ну и намучились с ними учителя!

Тогда родительский комитет, общество «Друзья странников» и Антирасистская лига настояли на открытии специального класса. Казалось бы, решалась проблема обучения цыганских детей в школе, носившей имя нобелевского лауреата мира Рене Кассена, одного из создателей Всеобщей Декларации прав человека.

Однако с первых же дней нового учебного года пришло разочарование. Пятнадцать сорвиголов сбились в шайку, не слушались учителя, убегали с уроков и болтались по округе.

Однажды доведенный до крайности учитель запер их в классе во время перемены. Потому что именно на переменах, во дворе, они выкидывали самые дикие штучки. Большинство учеников в страхе прятались под навесом. Те, что посмелее, пытались дать отпор, но шайка всегда брала верх.

В тот день они и залезли на дерево: пробили ножами лаз в двери своего корпуса и вырвались на свободу.

Словом, получилось еще хуже, чем в предыдущие годы: цыгане образовали государство в государстве и терроризировали всю школу.

Каждое утро директор и учителя с ужасом думали, что еще они вытворят.

То куртки пропадут из раздевалки, то физкультурный зал окажется загаженным, то все коридоры залиты пеной из сорванных со стен огнетушителей. Никто уже не решался приносить с собой деньги или кожаные сумки. Нельзя было оставлять у школы мопеды и автомашины — неизвестно, в каком виде найдешь их после уроков. В столовой цыгане толкались, лезли без очереди, размахивали пожами.

Не лучше обстояло дело с табором, который расположился неподалеку от школы. Муниципальные рабочие отказались убирать там места общественного пользования, с тех пор как у одного из них среди бела дня разобрали по деталям мопед, на котором он приехал.

Директор добросовестно писал рапорты начальству. Единственным откликом на них было письмо от главы местного отделения Антирасистской лиги, упрекавшего его в разжигании межнациональной розни в школе.

Школа находилась на моем участке, и я предложил созвать собрание с участием преподавателей, воспитателей, социальных служб, «Друзей странников», антирасистов, чтобы разобраться в ситуации и поискать выход.

Поначалу каждый отстаивал свою правоту и винил других. О чем, например, думает управление учебного округа, когда посылает в такой специфический класс неподготовленного, некомпетентного учителя?

Сам учитель не желал портить свой послужной список и оставлять место, которое, к тому же, давало ему какие-то материальные преимущества.

Кое-кто из родителей упрекнул «Друзей странников» в идеализме и в том, что они всегда на стороне своих подопечных, против всего остального общества. В конце концов, то, что цыгане неспособны соблюдать хоть какой-то распорядок, — общепризнанный факт.

Атмосфера несколько разрядилась, когда те, у кого имелся свой, удачный или неудачный, опыт, стали делиться им с собравшимися.

Сошлись на мысли о том, что жизнь класса должна быть более открытой, а учителю должны помогать коллеги, которые тоже страдают от сложившегося положения вещей.

Все обязались принять участие в решении проблемы. «Друзья странников» обещали разобраться в нескольких самых тяжелых случаях, а учителя обычных классов согласились время от времени подключать желающих из цыганского корпуса к тем или иным своим занятиям.

Обстановка в школе смягчилась. Антирасистская лига не стала подавать жалобу. Учитель добился некоторых успехов с немногими оставшимися в классе учениками.

А в мае цыгане, как обычно, отправились в паломничество в Сент-Мари-де-ла-Мер* и уже не возвращались в школу до конца учебного года.

В сентябре учительницей в цыганский класс приехала работать молоденькая волонтерка.

— Она не продержится и недели! — скептически говорили коллеги. — Цыгане ни за что не станут подчиняться женщине.

Еще до начала занятий девушка сходила в табор, побывала в семьях учеников, поговорила с матерями. Понаблюдав жизнь цыган, она поняла, как надо строить уроки.

Дети пришли в школу, нельзя сказать, чтобы вовремя, но с любопытством.

Опираясь на их интересы, показав, например, как полезно уметь читать, чтобы ориентироваться в городе, девушка сумела научить их грамоте.

Она хотела перевести самых способных в другие классы, чтобы расширить их общение со сверстниками, но цыганские дети не пожелали расстаться с ней и друг с другом.

* В этом городке на юге Франции находится храм святых Марий (он посвящен женщинам-мифологическим Марии Назаретской и Марии Саломе), куда дважды в год, в мае и октябре, стекаются паломники-цыгане.

Случилось так, что одной девочке пришлось на несколько недель уехать вместе с семьей из табора — по случаю смерти кого-то из живших в другом месте родственников. Перед самым отъездом она убежала из фургона к учительнице:

— Я хочу остаться с тобой!

Насилу та уговорила девочку вернуться к родным.

В мае учительница отправилась вместе с учениками в Сент-Мари-де-ла-Мер, потом вместе с ними возвратилась в класс и нормально закончила год.

Так неожиданно обернулась, казалось бы, безнадежная ситуация с появлением учительницы, которая с душой отнеслась к делу.

20. Любовь в семь лет

Учительница подготовительного класса предложила детям самим выбрать тему для еженедельных «раздумий».

Когда она спросила, о чем они хотели бы поговорить, то получила удивительные ответы:

— О жизни, о любви, о свободе. Мы хотим знать, что это такое.

— Хорошо, первое занятие мы посвятим любви.

Дети должны были подготовиться к условленному дню. Чтобы они могли собраться с мыслями, учительница в начале занятия дала им время молча сосредоточиться. Когда же маленькие мыслители заговорили, то дали такие интересные определения любви, что она записала их в тетрадь:

— Любовь — это огонь.

— Огонь, который обжигает навсегда.

— Любить значит уметь жить вместе.

— Когда любишь, то видишь человека таким, что он сам становится лучше.

— Любовь — это поэзия жизни.

Где семи-восьмилетние дети почерпнули все это? У себя дома? Многие из них живут в неполных семьях. Услышали по телевизору? Там само слово «любовь» давно не употребляется, разве что в выражении «запиматься любовью». Вычитали в журналах? Но там пишут не о любви, а о технике удовольствия. Усвоили из школьного курса сексуального воспитания? Там даются разрозненные сведения из области ботаники, зоологии и физиологии.

Нет, эти ответы они нашли в своем сердце, в своих сокровенных мечтах.

«Хрупкая, чистая детская душа» (так говорил Жюль Ферри) чувствует невидимые, но реально существующие нити, которые связывают их с источником жизни и которых мы, взрослые, не замечаем. Дети — природные поэты и философы.

— Боюсь разочаровать их, — призвалась мне учительница, — боюсь, что не дотяну до такого уровня.

21. Где же хулиганы?

В одном поселке из моего округа с начала года творится что-то ужасное. Туда назначили новую учительницу — она закончила институт с отличным дипломом, молодая, спортивная. С ее появлением и началась беда. Школа состоит из одного-единственного класса, где учатся дети от шести до двенадцати лет, и шум и гам в этом классе стоит такой, что слышно с улицы.

Дети выбегают во двор, виснут и раскачиваются на гимнастических канатах, дразнят учительницу. Даже девочки, которые до этого года были тихими и спокойными, превратились в истеричек.

Верховодила кучка юных хулиганов, которые держали в страхе весь класс. Посланный на помощь опытный педагог-консультант оказался бессилем.

— Сколько работаю, а такого никогда не видал, — сказал он мне по возвращении.

Сменить преподавателя? Это против установленных министерством и профсоюзами правил. Да и не в чем упрекнуть молодую учительницу. Она добросовестно работала, но с этим классом ничего не могла добиться. Уволиться значило бы капитулировать, поставить крест на педагогической карьере. Она должна была вскоре сдавать квалификационные экзамены — непременно в классе, куда была назначена. А в сложившихся условиях нечего было и думать сдать их, и ее наверняка признали бы профессионально непригодной.

Я сам отправился в злополучную школу. Вошел в класс и попросил детей немного посидеть молча и подумать, как исправить положение. Прошла минута — и снова стоял дикий шум.

Не зная, что еще придумать, я вывел из класса нескольких мальчишек-заводил и увел их во двор поговорить и приструнить.

Учительница впервые получила возможность поработать с оставшимися учениками.

Но стоило мне уехать, как все снова пошло кувырком.

Прислали психолога. Она обследовала нескольких ребят на выбор и высказала свое мнение:

— Конечно, они расторможены, недисциплинированы, но я ожидала худшего. Эти хоть не переломали пособня, которыми я пользуюсь при тестировании.

Я чувствовал ответственность за подведомственную школу, но ничего не мог сделать в одиночку. И тогда подумал, что проблема, собственно, касается не столько управления образования, сколько жителей поселка.

Есть родительский комитет, есть муниципальные власти, консультанты по педагогике, по общему развитию — заинтересованных лиц масса. Как бы привлечь к делу все эти силы и составить план разносторонних действий? Может быть, выйдет толк? Мне пришло в голову созвать в школе совещание под руководством мэра.

И вот как-то ненастным вечером, после конца рабочего дня, я привез в поселок на своей машине бригаду из двух консультантов и психолога. Постепенно в классе собралось немало народу. Разумеется, все были недовольны, и первое, что мы услышали, были жалобы и критика.

— Я хочу, чтобы моя дочь получила хорошее воспитание и образование. — заявил один возмущенный отец, — а что делает для этого государственная школа?

Было много упреков в адрес закопавшихся в бумажки чиновников, которые посылают работать в сложных сельских условиях неопытных городских девич.

Надо сказать, в поселке работали и превосходные педагоги, но всем им приходилось несладко. Родители всегда придирались и никогда не предлагали своей помощи. Квартира учителя при школе была неблагоустроена, без ванной. Неудивительно, что, проработав несколько лет, учителя не выдерживали и уезжали.

А здесь нужен был именно постоянный учитель. Многие родители, хоть и ругают за невоспитанность чужих детей, но своими совсем не занимаются. Пьянство в поселке повальное. Родители проводят вечера в кафе за бутылкой и берут с собой детей. Дети же одинаково плохо ведут себя что в школе, что дома. Уже сегодня они отбились от рук, а дальше и вовсе скажутся. Что делать? Махнуть рукой? Закрыть школу?

Собравшиеся в запальчивости высказали друг другу немало горьких истин, но ни к какому решению не пришли. Когда страсти поутихли, я попросил на минутку прекратить споры, с тем чтобы каждый мог обдумать проблему и предложить что-нибудь конструктивное.

Ясно было одно: дальше так продолжаться не может, надо искать выход...

Внезапно одна женщина расплакалась. Это была мать двух самых заядлых сорванцов. Муж ее пьет и практически не бывает дома, она замучилась с детьми, да еще весь поселок ее осуждает. Она набралась смелости прийти сюда, надеясь на помощь.

Председатель родительского комитета, тронутая ее горем, готова была отнестись к ней с сочувствием. Но большинство односельчан не желали об этом слышать:

- Распустила мальчишек!
- Сама виновата.
- Мы-то при чем?

Педагог-консультант, с самого начала не надеявшийся, что из собрания будет толк, вдруг загорелся и задал самый важный вопрос:

— Как же вы хотите, чтобы ваши дети уважали учительницу, если вы, их родители, не уважаете ни друг друга, ни своих детей?

Его поддержал представитель кантональной власти, напомним, как донимали в поселке лучших из присланных учителей:

— Не лучше ли прекратить упреки и, вместо того чтобы вставлять палки в колеса, попытаться помочь?

Мэр предложил провести удобства в учительский дом. Сама учительница, которая во время всех этих препирательств

чувствовала себя как на углях, признала свою неудачу и согласилась просить перевода по собственному желанию в другое место, более подходящее для начинающей и более благоприятное для предстоявшего экзамена: куда-нибудь в одновозрастной класс городской школы, где есть директор.

Я обещал заменить ее опытным педагогом.

В полночь мэр распорядился принести напитки, и мы выпили за обновление школы.

Атмосфера потеплела, люди нашли общий язык.

На следующий день, едва проснувшись, я заколебался. Я взял на себя слишком большую ответственность. От меня зависел выбор учителя. Именно я должен был подыскать замену, чтобы уладить формальную сторону дела. Но кого послать?

И тут меня осенило: я позвонил одному молодому интернатскому педагогу, который был у меня на приеме в начале года. На вид это был уравновешенный, надежный, приветливый человек. Он хотел перейти с чисто воспитательской работы на преподавательскую. Отношения с детьми в интернате у него были превосходные.

— Не скрою, — сказал я ему, — работа, которую я вам предлагаю, очень трудная. Ваши предшественники подолгу на этом месте не задерживались.

— Я согласен, — отвечал он. — Интересная задача. Думаю, что справлюсь.

По моему ходатайству молодую учительницу перевели в город. Речь тут шла не о прихоти чиновников учебного округа, а об интересах детей, целого поселка и о репутации государственной системы образования. Надо было спасти школу, и в управлении единогласно приняли мое предложение.

Спустя два дня новый учитель приступил к занятиям.

Он заранее обдумал, как подойти к ученикам, подобрал для них обучающие игры. Дети слышали от родителей о собрании в школе и встретили нового учителя с интересом. Первый раз с начала года на уроке было тихо.

«Ну и где же тут хулиганы?» — подумал учитель.

В поселке тоже удивляются, куда они подевались.

22. Пощечина пощечине рознь

– Вы когда-нибудь получали пощечину? – спросил я ребят.

– Еще бы!

– Дома, от родителей.

– И от учительницы, – добавляет один мальчик.

Учительница, побледнев, смотрит на меня. Я часто бываю у нее на уроках и знаю, что она всегда спокойна и выдержанна.

Как известно, во французских светских школах телесные наказания запрещены. Да и незачем ей прибегать к таким мерам – дети уважают и слушаются ее.

– Когда это было?

– Когда вы в прошлый раз раздавали тетради, то презрительно швырнули мою мне на стол. Разве это не пощечина?

Учительница облегченно переводит дух.

– Извини, если я тебя обидела. Наверное, я нервничала. У меня, как у всех людей, бывает дурное настроение. Да и ты не очень хорошо выполнил задание.

– Это правда, но я подумал, что вы сердитесь на меня, и расстроился. Ну, теперь-то все в порядке.

Пощечина не так страшна, если учитель и ученики поняли и простили друг друга. Но бывает, что вокруг такого инцидента разгораются страсти: возмущается общественность, пишутся жалобы, публикуются статьи в газетах, устраиваются демонстрации, с одной стороны, разгневанных родителей, с другой – солидарных с коллегой учителей. И тогда мирно разрешить конфликт очень трудно.

Однажды ко мне на прием пришли муниципальные рабочие из небольшого поселка. Директор местной школы дала пощечину их товарищу, который работал на территории школы. Он пришел без предупреждения и помешал ей проводить урок.

— Она не должна оставаться в поселке, мы требуем, чтобы ее уволили и назначили другого директора. Иначе мы не остановимся ни перед чем. Предадим дело гласности, выйдем на демонстрацию и не успокоимся, пока она не уйдет.

Меня поразила такая непримиримость, такая ненависть к директору школы, тем более что до сих пор на нее никто не жаловался.

Я решил, что прежде всего стоило бы попытаться помирить стороны, и предложил мэру поселка устроить собрание с участием педагогов и местных властей.

Пришли все учителя, хотя сначала думали, что их это дело не касается. Некоторые не одобряли директора, но проявили солидарность. Уроки для школы, безусловно, самое важное, и никто не должен мешать учителям в классе.

Бесспорно! Но это не значит, что можно публично оскорблять рабочего. Это недопустимый поступок, за который надо отвечать.

— Кроме того, — сказал пострадавший, — я уже не ваш ученик.

Так это бывший ученик! Один из худших в выпуске, и вот ему снова досталось. У него старые счета со школой, где он когда-то намучился.

В конце концов директор извинилась перед ним, а мэру угостил всех в знак примирения.

Прошло несколько лет, и директор попросила о переводе в другой город.

— Я собиралась работать здесь до самой пенсии, — сказала она, — но история с этой несчастной пощечинной не прошла бесследно. Все стало не так, как прежде. И я хотела бы начать сначала на новом месте.

А вот еще один случай, связанный с пощечинной.

К нам в инспекцию пришла жалоба на лучшего учителя во всем округе. Родители одного ученика требовали наказать его за то, что он ударил по щеке их сына.

При проверке факты подтвердились. Да и сам учитель не думал отпираться. Удивительно: ведь он был известен тем, что всегда проявлял заботу о каждом ученике и был особенно вни-

мателен к неблагополучным детям. Они с женой часто подолгу задерживались после уроков с детьми, чьи родители поздно приходили с работы. Один из них и вывел учителя из себя настолько, что тот влепил ему оплеуху.

Коллеги заступались за учителя, но он чувствовал себя виновным, поскольку допустил серьезное нарушение профессионального кодекса.

Чтобы разрядить обстановку, в школе устроили собрание. Первым встал учитель и принес извинения, чем сразу смягчил своих противников.

Большинство собравшихся признавали, что учитель — прекрасный человек, и только один человек упорно обвинял его — отец того самого мальчика, между прочим, впервые видевший учителя своего сына. Возможно, он был обижен тем, что мальчик отстает от сверстников.

— Но именно с ним мы бились больше всего! Ничего не понимаю! Так и хочется все бросить! — сказала жена учителя.

Домой она уходила в слезах.

Давать ход жалобе не пришлось.

Но в душе учительницы что-то надломилось.

— Разумеется, те, кто только выполняет свои обязанности, никакой благодарности от родителей учеников не ждут — это нормально. Но чтобы на тебя ополчились родители мальчика, для которого ты делаешь гораздо больше, чем должна, — это непостижимо!

Итак, дело о пощечине может разрастись до масштабов корнелевской трагедии. Не с этого ли начинались дуэли, распри, войны?

23. Что такое светская школа?

Иудейские, мусульманские, христианские праздники, праздники национальные и международные, дни рождения и памятные даты... Если бы все это отмечалось в школе, то, как сказал Лафонтен, «мы разорились бы на праздничных расходах» и в календаре не осталось бы ни дня для нормальных занятий.

Или наоборот? Что, если бы каждое утро по случаю праздника в чьей-нибудь семье — а в классе нередко бывают собраны дети десятка или двух национальностей и конфессий — мы все вместе задумывались бы о том, каков его глубинный смысл?

Именно, дни рождения, размеряющие год большие праздники...

После войны преподавателям-иудеям было разрешено не выходить на работу по религиозным праздникам. Но учителя-евреи часто колеблются:

— Воспользоваться этим правом значит поставить себя особняком, подчеркнуть свое отличие от товарищей. Не заденет ли это их, не приведет ли к вспышкам расизма?

— А ты сама веришь в Бога? — спросила одна девчушка учительницу.

— Я хожу с родителями на рождественскую мессу, — призналась другая, — но не говори об этом учительнице. Она никогда не ходит в церковь. Вдруг она будет ставить мне плохие отметки!

Показывать несходство, не признавая ничьего превосходства, — нелегкая духовная и моральная задача. Не оскорбить ничьих убеждений, научить каждого понимать чужие взгляды, видеть нравственное начало любых религиозных установлений, будь то Рамадан или Великий пост, — это и есть светское

воспитание на практике. Ибо его основной принцип: безоговорочное уважение к человеку во всем, включая религию, поскольку религиозное чувство — неотъемлемая часть человеческой природы.

Да, в светское воспитание входит уважительное отношение ко всем религиозным традициям, понимание их нравственной ценности. Каждый учитель системы государственного светского образования должен руководствоваться тем уважением к имени Божьему, которым проникнуты труды Жюль Ферри*.

Государство является светским в силу вынужденной отстраненности, его забота — не допускать ни привилегий, ни притеснений ни для одной из религий, которые исповедуют его граждане. Светское же образование зиждется на общности человеческих ценностей и заботится о том, чтобы не обойти вниманием ни одну из граней современной цивилизации. Не допуская односторонней пропаганды, оно предполагает для каждого возможность самоутверждения и сохранения своего подхода к миру при полном уважении к чужим взглядам.

Требуется особая деликатность и доброжелательность, чтобы не сказать и не сделать ничего, что могло бы вызвать упреки хоть кого-нибудь из родителей. Не говорить дурного о людях — не с этого ли начинается терпимость? Если же кто-то заявит протест, надо суметь объяснить свои намерения, желание показать связь культур, что возможно при широте ума и бережном внимании друг к другу.

Школа — единственное место, где могут встретиться те, кто разделен стенами домов.

-- Мсье! Мсье! Мохаммед спит!

Класс в недоумении. Учителя любят, с ним всегда интересно. Работают все сообща. Обычно никто на уроке не засыпает. А тут вдруг... И кто же? Мохаммед, один из лучших учеников. Что с ним такое?

* *Ферри, Жюль (1832–1893) — французский политический и общественный деятель, республиканец, антиклерикал, один из основателей государственной системы светского образования в стране.*

Но учитель вспоминает, что идет Рамадан, а Мохаммед из верующей семьи, где дети следуют примеру родителей.

— Не будите его, я объясню вам, в чем дело.

И он рассказывает детям, что у мусульман в течение девятого месяца по лунному календарю длится пост. Благочестивые люди не едят и не пьют с восхода до заката солнца. Только вечером они садятся за трапезу, которая нередко продолжается за полночь и лишает их сна. Это довольно тяжело, особенно в первые дни. Дети удивляются:

— А зачем это? Зачем добровольно лишать себя еды и питья?

Есть над чем подумать. Мальчик-еврей рассказывает, что у него дома в Судный день тоже никто не ест, а в семье его двоюродных братьев никто не работает по субботам.

— Почему?

Дети из христианских семей говорят о Великом посте, который соблюдается в память о сорокадневном посте Иисуса перед началом Его жертвенного пути.

Пост учит владеть плотью, меньше зависеть от ее нужд. Это делает человека сильнее, свободнее.

— А что, если мы всем классом один раз пропустим обед, а сэкономленные деньги положим в общую кассу? — вносит предложение мальчик, которого особенно увлек разговор.

Тем временем проснулся Мохаммед и странно удивился, что его не ругают.

— Я расскажу вам, как у нас проходит Рамадан, а спать на уроках больше не буду, вот увидите!

Спасибо, Мохаммед, ты навел нас на размышления о религии, и многие в первый раз столкнулись с этой стороной жизни.

Помню рассказ одного коллеги. Незадолго до Троицы пятерым девочкам из его класса было разрешено некоторое время не посещать занятий, так как они готовились к первому причастию, и вот в этот торжественный день они зашли на перемене в школу показать друзьям в своих белоснежных платьях.

Учитель позвал их в класс и попросил рассказать всем остальным ученикам, большинство из которых были иудеи, му-

сульмане и буддисты, что для них значит это религиозное посвящение. Потом один ученик рассказал про иудейский обряд «Бар мицва», во время которого мальчик признается взрослым. Он тоже читал в синагоге перед всеми мужчинами общины Тору и стал «сыном Израиля».

Дети с уважением отнеслись друг к другу, и многие разглядели, какое особое достоинство, особые моральные устои связаны с религиозной традицией.

А несколько дней спустя учителю дали понять, что он допустил серьезную оплошность, нарушил принцип светского образования.

Выходит, этих принципов два? Один, мертвый, заключается в равнодушном, пренебрежительном отношении ко всему чужому, в воинствующем атеизме, приводящем к ненависти и вражде. Но ведь это прямая противоположность того, к чему стремились создатели светской школы. Другой, живой, заключается в уважении к другим людям, к их внутреннему миру. В широте взглядов и готовности принять высшие ценности разных культур. Это принцип братства и единства, отвечающий чаяниям отцов-основателей светского образования во Франции, которые верили во всеобщий нравственный закон, «сумму общечеловеческих истин».

— Я убежден, — сказал мой коллега, — что беседа с девочками-причастницами полностью соответствовала духу истинного светского образования.

24. Сказка о робком учителе

Моя жена Мила — директор педагогического училища, так что мы коллеги. Она всегда помогала мне в моих занятиях нравственным воспитанием, поддерживала и даже направляла меня, так что ей тоже есть что сказать на страницах этой книги. Уступаю ей перо.

Вот как запечатлелся в ее памяти один случай, произошедший в бытность мою инспектором на юге страны.

Дело было в красивом, роскошном городе, в не слишком красивом и роскошном квартале, где рядом с французами жили семьи рабочих-эмигрантов.

Однако в этом некрасивом и небогатом квартале было сокровище — школа для трудных детей. А в этой школе — класс для самых трудных.

Учительница этого класса работала на совесть, выбивалась из сил. Пока наконец не надорвалась и не заболела.

Заменить ее было нечем, подвернулся только один очень молодой и очень робкий учитель. Такой робкий, что все время ходил потупившись, словно уставясь на свои ботинки. Никогда никому он не осмеливался посмотреть в лицо. Ни инспектору учебного округа, ни его секретарше, ни директорам школ, в которых работал подменным учителем, ни даже ученикам.

Инспектор был вотчаянин, что приходится посылать такого тихоню в класс сорванцов. Но делать нечего. Не оставлять же детей, какими бы трудными они ни были, безучителя. Это противозаконно.

Стяжелым сердцем он отправил молодого учителя в жуткий класс. Увы, как и следовало ожидать, его мгновенно сожрали. В переносном, разумеется, смысле — людоедов во Франции давным-давно не водится. Тихоня старался, как мог, но ученики не давали ему ни малейшей возможности чему-нибудь их научить.

Приехав на урок к несчастному молодому педагогу, инспектор понял, что его опасения сбылись. В классе кипел бой. В воздухе носились снаряды — кусочки мела. Даже взрослые были беспощадно обстреляны.

И тогда инспектор придумал нечто неожиданное. Он еще раз посетил класс вместе с группой начинающих учителей, изучавших различные педагогические методики, и в их присутствии показал детям фильм о таком же «трудном» мальчишке, как они сами. Герой фильма убежал из дома и на собственном опыте убедился в силе трех волшебных слов, о которых твердил в школе учитель: «пожалуйста», «спасибо» и «прости».

После просмотра мнения разделились: одним ребятам фильм понравился, другим нет. Но смотрели и слушали все.

Те, кому фильм показался интересным, перешли в другой класс вместе со взрослыми и стали обсуждать его и задавать очень толковые вопросы. Например:

— Мы видим, что можно, если постараться, паладить жизнь в школе или дома, но как помочь тем, кто далеко от нас?

Недовольных же созвал инспектор и попросил высказать свои замечания.

— Это фильм для малышни. — сказал один.

— Спасибо, пожалуйста, прости — подумаешь, какая премудрость! — фыркнул другой.

— Мы из этого уже выросли!

— В жизни так не бывает!

Самый «отпетый» озорник молчал. И вдруг встал и заявил:

— Мы должны написать письмо и извиниться перед учителем.

— Но он вчера приходил в последний раз, а адреса его мы не знаем, — напомнил кто-то из ребят.

Инспектор пообещал дать адрес, и все загорелись.

— Да, да! — послышалось со всех сторон. — Правильно, напишем ему письмо и попросим прощения.

Через час ребята разошлись по домам. Взрослые отнеслись к их плану недоверчиво:

— Ничего они не напишут, это так, минутный порыв.

Прошла неделя, инспектор объезжал другие школы, и об этом разговоре, казалось, все забыли.

Но дети не забыли. Как раз через неделю тот же заводила сказал вернувшейся после болезни руководительнице:

— Мы решили написать учителю, который вас заменял, письмом с извинениями.

— Да, — подхватили другие, — надо написать!

— Ну так напишите сегодня вечером дома, а завтра покажете мне, что получилось.

Но дети не согласились:

— Сейчас как раз урок французского — вот давайте сейчас и напишем. Прямо здесь. Все вместе.

Дети принялись сочинять, кто как мог. Потом сравнили, соединили лучшие места, красиво переписали. Получилось вот такое письмо:

«Господин учитель!

Мы решили написать Вам и извиниться перед Вами, потому что поняли, что вели себя очень плохо.

Простите нас за все. Всякое терпение имеет предел, а мы Вас не щадили. Теперь мы знаем, что лучше с самого начала не поступать дурно, чем потом извиняться. Вы все-таки много чему нас научили, и мы Вам за это благодарны. Надеемся, что, получив это письмо, Вы простите нас».

Далее шли подписи. Первая, самыми крупными буквами — подпись мальчика, который придумал написать письмо, — он считал себя главным виновником и сначала хотел подписаться один.

— Нет! Нет! — запротестовали одноклассники. — Мы все виноваты! И все подпишемся.

Это было в июне. Потом наступили каникулы. А в сентябре директор одной из местных школ сказала инспектору:

— Что это случилось с нашим тихоней? Его не узнать.

— Пришел на работу веселый, сияющий, — прибавила ее секретарша. — И даже посмотрел мне в глаза.

Вскоре инспектор сам получил письмо от застенчивого учителя, который благодарил за то, что его послали в трудный класс. «Это оказалось просто подарком судьбы», — ничуть не шутя писал он.

25. Аморальная мораль

Сократ, признанный философами и педагогами лучшим учителем в истории, не создал никакой теории и никогда никого не поучал. Он считал, что каждый человек несет в себе истину, только не сознает ее, и надо помочь ему выявить эту истину с помощью диалога. Он, так сказать, служил повивальной бабкой при «умственных родах», помогая ученикам раскрыть и познать себя.

Задача педагога — разбудить в воспитаннике особое призвание, помочь ему распознать это призвание и пойти своим путем. Для этого вовсе не нужно преподавать мораль, будь то общие принципы или отдельные наставления. В брошюре, изданной Министерством народного образования, под названием «Обучение и нравственные ценности» это высказано в парадоксальной форме: «Преподавать мораль аморально».

Это верно, если «преподавать» значит предписывать застывшие нормы, вколачивать в неокрепшее сознание свод забытых правил.

Это верно, если мораль ограничивается некой государственной идеологией. Моральный кодекс, принудительная мораль, тоталитаризм — все это вещи, очень близкие одна другой и как нельзя более далекие от требований подлинной нравственности.

Воспитание же, предполагающее свободу, свободный выбор, ответственность, заключается в том, чтобы пробудить в ребенке сознательный интерес к самому себе, к другим людям, к миру. Иначе говоря, воспитание — это и есть пробуждение сознания.

Значит ли это, что воспитание — дело чистой интуиции, вдохновения и никакие методы и критерии к нему не применимы? Как сказал Паскаль. «у подлинной морали нет правил». Если так, что можно посоветовать?

«Осмыслять житейский опыт, обобщать случайные наблюдения», — записано в официальных методических указаниях. И все?

Декарт в своем знаменитом «Рассуждении»* не побоялся сказать, что «многие наши встречи на жизненных путях озарены счастливой звездой».

То есть «соображения и заключения», из которых складывается «метод», возникают в результате счастливого случая, наталкивающего человеческое разумение, «которым не обделен никто в мире», на ту или иную проблему.

Декарт нашел способ «постепенно расширять свои познания и подниматься все выше, до уровня, который окажется доступным при несовершенстве нашего разума и краткости нашей жизни».

Вот и мы, чтобы дорасти самим и дорастить учеников до осознания высшего смысла этических ценностей, сформулировали на основе довольно богатого опыта некоторые методические установки для наших «нравственных бесед» (вполне согласующиеся с министерскими инструкциями):

- за исходную точку взять конкретную ситуацию, лучше всего такую, с которой дети сталкиваются в школе, дома, на улице, или громкое событие, о котором писалось в прессе, говорилось по телевидению и которое вызвало у них восхищение или, наоборот, возмущение;
- всем вместе подумать над этой ситуацией; как можно больше времени отвести на размышления молча, давая каждому прислушаться к своей совести;
- решить, что возможно в данном случае сделать;
- и безотлагательно начинать действовать по мере сил.

* Цитируется в автореферате диссертации Рене Декарта «Рассуждение о методе», 1637.

26. Ни капли лжи

Дабы «сохранить твердость в действиях», Декарт, не прекращая философских поисков истины, положил себе держаться некоей «принятой без доказательств морали». Точно так же педагог, каково бы ни было его мировоззрение, должен признавать определенные правила поведения, ориентиры, универсальные ценности, чтобы иметь общую почву с учениками и их родителями.

Сам я выбрал для себя три основных принципа, три звезды, освещающие путь любви, стремящейся к совершенству.

Честность

Для ученого честность ума и сердца — нечто само собой разумеющееся. Однако сегодня ничто не разумеется само собой. Без честности наука невозможна, но эта профессиональная честность не сопрягается с практической жизнью. Ученый может быть честным в лаборатории и вести себя абсолютно непорядочно как человек и гражданин: уклоняться от налогов, лгать друзьям... Неукоснительная честность во всем — подвиг, и нелегкий.

Если учитель требует, чтобы ученики добросовестно выполняли домашние задания, а сам к уроку не готовится, ему не к лицу говорить о честности. Если учитель распекает учеников за то, что они слишком много сидят перед телевизором, а сам утыкается в него, как только заходит в дом после уроков, то он просто лицемер и не заслуживает уважения учеников.

Честность налагает одинаковые обязательства на меня и на тех, к кому я обращаюсь. Если я хочу искренности в отношениях

с учениками, то должен в первую очередь сам подчиняться тем требованиям, которые предъявляю им. Иначе мы не сможем общаться свободно, на равных.

Чистота

То есть свобода от прихотей и пристрастий. Каждый педагог подвержен искушениям: он может испытывать сексуальное влечение, симпатии и антипатии, может поддаться вожделению ума или плоти. Это профессиональный риск. Скандальные случаи безнравственного поведения учителей достаточно редки, но каждый лишает провинившегося всякого доверия со стороны родителей.

Первейшая обязанность педагога — полностью владеть своей чувственностью. Иначе воспитание в духе уважения к ближнему невозможно.

Бескорыстие

У каждого педагога своя жизнь. И далеко не всегда мотивы, по которым он избрал профессию, бывают целиком и полностью бескорыстными. Для некоторых работа учителя — способ самоутверждения. В таком случае он не достигнет внутреннего контакта с учениками. Такой учитель замкнут, занят своими проблемами и теориями. Дети же пытаются любыми способами напомнить ему о себе, о том, что они тоже свободные личности.

Верный признак неспособности учителя отвлечься от своего «я» и слышать других — это шум и проказы на уроках. А без прочного контакта невозможен настоящий диалог, полноценное общение с детьми. Класс начинает жить как некое целое только при возможности открыться другому, понять другого.

Говорят, что учитель должен любить детей и быть терпимым — это, конечно, важно, но это далеко не все. Любовь к детям требует некоторого аскетизма. Да, учитель должен любить детей, но любить не ради себя, не эгоистически, не для утоления своей жажды деятельности или обладания, а совершенно беско-

рыстно, щедро, в буквальном смысле самоотверженно. Любить чуткой, активной любовью. Ни на минуту не позволяя себе забывать о необходимой дистанции, уважении к чужой свободе.

Итак, педагог должен во всем руководствоваться честной, чистой, бескорыстной любовью. Это путь, по которому воспитатель и воспитанник могут идти вместе. Пусть один из них продвинулся дальше — главное, у них общее направление. Поэтому они всегда доступны друг для друга.

Воспитатель и сам был когда-то воспитанником. Более того, его самовоспитание продолжается и не имеет конца. Цель и направление пути едины для всех, скорость же у каждого своя и подходов бесконечное множество. Главное же — развивать в себе гуманность, благожелательность, чувство ответственности за себя и других.

27. Воспитать человека

Все, кто задумывается в наше время о нравственном и гражданском воспитании в школе, приходят к мысли, что оно столь же необходимо, сколь и невозможно.

Современный мир — особенно наш, западный, с его наукой, техникой, промышленностью — являет собой нечто крайне сложное, хаотичное и в конечном счете абсурдное.

Как воспитать человека, достойного этого имени, когда он, растворенный в общей массе и превращенный в статистическую единицу, кажется, потерял сам себя?

Современный стандартизованный человек лишился точек отсчета, ориентиров и заблудился в рациональной вселенной, где есть бесконечное пространство и время, но нет центра и Бога.

Однако эту новейшую научно-техническую цивилизацию создали мы сами, мы и несем за нее ответственность. Крах ее совершенно очевиден. Что же делать? Единственный выход — возврат к человеку.

Торжество науки и техники, в том числе науки о человеке и обществе и техники массовой дрессуры есть не что иное, как торжество внешних законов над внутренними.

Задача нравственного и гражданского воспитания — воссоздание человека изнутри, вручную, причем начинать следует с себя.

Пусть каждый сам решит, хочет ли он снова стать человеком, восстановить связь с другими людьми, с самим собой, с миром. Достаточно перестать относиться к человеку как к машине — и все изменится.

Необходимо также по-иному осмыслить наше предназначение. Если главное в жизни — быть человеком, то именно это становится главной наукой. И, значит, долг учителя — воспитать в ученике человека и гражданина мира. Таковы взаимосвязанные индивидуальный и универсальный параметры образования.

28. Ради чего?

Я занялся этим делом не для того, чтобы угодить президентам, твердящим — и совершенно справедливо! — что образование — это будущее нации, не для того, чтобы уважить министерские инструкции, превосходно составленные, но мало изученные и почти не применяемые на практике.

Нет, у меня было более серьезное побуждение: я не хотел, чтобы дети, которых нам доверили, выросли «моральными инвалидами», жили бессознательно, без внутреннего компаса, позволяющего ясно ориентироваться, отличать истину от фальши, добро — от зла и не сбиваться с курса в мире, который все больше захлестывает разрушение и безумие.

Методические указания призывают учителей «снабдить детей всем необходимым, чтобы они вступили в жизнь с уважением к себе и к другим. Сделать школу моделью демократического общества».

Но снабдить всем необходимым — это значит обеспечить их не только в материальном и интеллектуальном, но прежде всего в нравственном отношении, вооружить усвоенным из реального опыта пониманием того, какую силу дают свободным людям честность, чистота и бескорыстие. Это значит дать почувствовать и оценить силу любви, позволившую Мартину Лютеру Кингу вести бескровную борьбу за расовую интеграцию в Америке; чистоту Ганди, добившегося независимости своей страны от колониальной империи; благоговение перед жизнью и великодушие Швейцера, пожертвовавшего блестящей научной и музыкальной карьерой ради врачебной работы в джунглях Африки; мужество Солженицына, бросившего вызов мощнейшей державе.

Сами дети показали мне, что им жизненно необходимы дружба и доверие, взаимопонимание и свобода, возникающие, когда приходишь к ним с открытым сердцем. Этот нравственный климат нужен им, чтобы дышать полной грудью, беспрепятственно развивать свои способности, причем не только практического, но и самого отвлеченного характера. Они испытывают насущную потребность найти смысл жизни и ищут его в постижении мира, в душевной щедрости, в искусстве жить с людьми и для людей. Да я и сам не мог бы обходиться, не мог бы работать без этого постоянного живого общения с детьми.

Дети жадно учатся жить, думать, любить, и если они становятся строптивыми, злыми и агрессивными, то только потому, что мы отталкиваем их постоянными попреками, правоучениями, скандалами. Они безошибочно распознают среди взрослых своих непритворных друзей, тех, кто не лицемерит перед ними, кто, как они сами, может каждый день десять раз оступить и ошибиться, но умеет признать свою вину и готов исправить причиненное зло.

Невозможно быть педагогом, если не поставишь во главу угла принцип служения и не готов к своего рода ежедневной аскезе, предписывающей неукоснительную требовательность к себе и уважительное отношение к другим. Иначе дети становятся теми «другими», которые превращают твою жизнь в безысходный ад.

Вспомним же правило правил: изменим в первую очередь себя, станем сами такими, какими хотим видеть детей, — и в мир вернется счастье и радость плодотворного труда.

Все это слишком наивно, слишком легко, полагаете вы? Но те, кто пошел этим путем, знают, как он труден, знают, что тут ничего не получается само собой, по мановению волшебной палочки. Сам я понял необходимость именно такой позиции в тот день, когда пришел с повинной к своему начальнику в Марокко. Молодой инспектор, отчаянный идеалист и строптивец, вдруг ощутил себя не лицом к лицу с учениками, а бок о бок с ними, таким же учеником: нам предстояло вместе учиться жизни.

Я верю в такую педагогику потому, что каждый раз, когда у меня хватало смелости отвечать за свои слова, быть честным с собой и с другими, находились какие-то новые силы, происходили неожиданные изменения в безвыходных, казалось бы, ситуациях, и это вновь и вновь вселяло в меня надежду.

Декларация общества «Нравственное развитие в школе»

В 1981 году Филипп Лобстейн стал одним из основателей и первым президентом общества «Нравственное развитие в школе» (Association pour un Eveil à la Responsabilité à l'Ecole-AERE), декларация которого приводится ниже.

1. Воспитание – это прежде всего внимательное отношение к другим, к миру, к себе.

2. Основа воспитания – нравственность.

3. Его принципы: честность и уважение к личности.

4. Нравственность обходится без нравоучений.

5. Воспитание начинается с себя. С того, что мы предъявляем к себе те же требования, что и к другим. И поступаем так, как учим поступать других.

6. «Мы учим не только и не столько тому, что знаем – или думаем, что знаем, – сколько тому, что мы есть». Жан Жорес.

7. Наука жизни не менее важна, чем просто наука и практический навык.

8. Этика – это работа над собой ради ближнего.

9. Такая работа – основа и залог успеха.

10. Тактика разрешения конфликтов зависит от конкретной ситуации, но желаемый результат всегда один – найденный выход.

11. При этом каждый раз необходимо:

– прислушаться, заглушив страсти, к собственной совести;

– выслушать другие мнения;

– объединить усилия и распределить обязанности;

– разбиться на команды, действующие по общему плану.

12. Главная задача – изменить мир, изменяя себя.

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

сочетает в себе черты конфессионального и светского учебных заведений, ориентирован на мирян, открыт межконфессиональному диалогу и свободным дискуссиям. Помимо библейско-богословских предметов студенты ББИ изучают широкий спектр общегуманитарных дисциплин. На конкурсной основе лучшим студентам выплачивается стипендия и предоставляется общежитие (для иногородних).

Сегодня ББИ — это:

- государственная аккредитация по направлению “теология”
- высшее гуманитарно-богословское образование по библеистике, христианской культуре, библейским языкам, богословию, философии, истории церкви, литургике и социальным дисциплинам
- второе высшее образование, индивидуальные программы для специалистов и повышение квалификации преподавателей и катехизаторов
- начальное и заочное богословское образование, публичные лекции
- летние богословские институты
- научные программы (семинары, конференции, исследовательские проекты)
- издательская деятельность (учебники, монографии, материалы конференций, журнал “Страницы” и альманах “Мир Библии”)

Издательская программа ББИ

Периодические издания

СТРАНИЦЫ: богословие, культура, образование. *Ежеквартальный журнал ББИ (издается с 1996 г.)*

МИР БИБЛИИ, выпуски 1–10. *Иллюстрированный альманах*

Серия “Современная библеистика”

- ИИСУС И ЕВАНГЕЛИЯ. Словарь. *Под ред. Джоэля Грина, Скотти Маклайта и Говарда Маршалла. Пер. с англ.*
- ИИСУС И ПОБЕДА БОГА. Н. Т. Райт. *Пер. с англ.*
- ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ В НОВОМ ЗАВЕТЕ. Исследование природы первоначального христианства. Джеймс Дж. Дини. *Пер. с англ.*
- ТЕКСТОЛОГИЯ НОВОГО ЗАВЕТА. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. Брюс М. Мейсер. *Пер. с англ.*
- КАНОН НОВОГО ЗАВЕТА. Возникновение, развитие, значение. Брюс М. Мейсер. *Пер. с англ.*
- РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ НОВОГО ЗАВЕТА. Их источники, передача, ограничения. Брюс М. Мейсер. *Пер. с англ.*
- ТЕКСТОЛОГИЯ ВЕТХОГО ЗАВЕТА. Эмануэл Тов. *Пер. с англ.*
- ВВЕДЕНИЕ В ТЕКСТОЛОГИЮ ВЕТХОГО ЗАВЕТА. Джейкوب Вайнрини. *Пер. с англ.*
- ДЕЯНИЯ АПОСТОЛОВ. Историко-филологический комментарий. Главы I–VIII. Ирина Левинская.

— вышел в свет

— готовится к печати

- ОЧЕРКИ АРХЕОЛОГИИ БИБЛЕЙСКИХ СТРАН. *Николай Мернерт.*
- ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ СКАЗАЛ АПОСТОЛ ПАВЕЛ. Был ли Павел из Тарса основателем христианства? *Н. Т. Райт. Пер. с англ.*
- ЭТИКА НОВОГО ЗАВЕТА. *Ричард Хейз. Пер. с англ.*

Серия "Современное богословие"

- ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ. *Епископ Диоклийский Каллист (Уэр). Пер. с англ.*
- ПРАВОСЛАВИЕ. *Павел Евдохимов. Пер. с фр.*
- ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ. Развитие евхаристического богослужения византийского обряда. *Хью Уайбру. Пер. с англ.*
- ВОПЛОЩЕННАЯ ЛЮБОВЬ. Очерки православной этики. *Виген Гуроян. Пер. с англ.*
- ОТЪЯСКИ СВЕТА. Православное богословие красоты. *Оливье Касман. Пер. с фр.*
- ВВЕДЕНИЕ В ОСНОВНОЕ БОГОСЛОВИЕ. *Архиепископ Михаил (Мудьюгин).*
- ПОСЛАНИЕ К РИМАЛЯНАМ. *Клар Барн. Пер. с нем.*
- О ХРИСТИАНСКОМ БОГОСЛОВИИ. *Роуэн Вильямс. Пер. с англ.*
- СЛУЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ЦЕРКВИ. *Элизабет Бер-Сижель. Пер. с фр.*

Серия "Богословие и наука"

- НАУКА И РЕЛИГИЯ. Историческая перспектива. *Джон Хедли Брук. Пер. с англ.*
- НАУКА И БОГОСЛОВИЕ. Введение. *Джон Полкинхорн. Пер. с англ.*
- ВЕРА ГЛААЗАМИ ФИЗИКА. *Джон Полкинхорн. Пер. с англ.*
- ЭТИКА В ВЕК ТЕХНОЛОГИИ. *Иен Барбур. Пер. с англ.*
- РЕЛИГИЯ И НАУКА. История и современность. *Иен Барбур. Пер. с англ.*
- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА. *Владета Йсротич. Пер. с серб.*
- БИОЭТИКА. Учебник. *Элио Сprechia, Виктор Тамбоне. Пер. с итал.*
- О НРАВСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ ВСЕЛЕННОЙ. Богословие, космология и этика. *Нэнси Мерфи и Джордж Эллис. Пер. с англ.*
- БОГОСЛОВИЕ В ВЕК НАУКИ. Бытие и становление природы, Бога и человека. *Артур Пикок. Пер. с англ.*
- НАУКА И БОГОСЛОВИЕ. Антропологическая перспектива

Серия "Диалог"

- УМБЕРТО ЭКО И КАРДИНАЛ МАРТИНИ. Диалог о вере и неверии. *Пер. с англ. и итал.*
- ПРАВОСЛАВИЕ И КАТОЛИЧЕСТВО. От конфронтации к диалогу. *Хрестоматия. Сост. Алексей Юдин.*
- ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. Антология ключевых текстов. *Сост. Майка Киннемон, Брайан Коун. Пер. с англ.*
- БОГОСЛОВСКИЙ ДИАЛОГ МЕЖДУ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ И ВОСТОЧНЫМИ ПРАВОСЛАВНЫМИ ЦЕРКВАМИ. *Хрестоматия. Сост. Кристиан Шайо. Пер. с англ.*
- ВЕРА И СВЯТОСТЬ. Лютеранско-православный диалог 1959-2002 гг. *Ристо Савринен. Пер. с англ. и нем.*

- УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ В РАЗНЫХ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЯХ. Сборник.
- ХРИСТИАНСТВО, ИУДАИЗМ И ИСЛАМ. Верность и открытость.
Под ред. архиепископа Жозефа Доре. Пер. с фр.
- ХРИСТИАНЕ И МУСУЛЬМАНЕ. Проблемы диалога. Хрестоматия.
Сост. Алексей Журавский.
- ИСЛАМ И ЗАПАД. *Бернард Луис. Пер. с англ.*
- ИСЛАМ, ХРИСТИАНСТВО И ЗАПАД. Непростая история.
Роллин Армур. Пер. с англ.
- ХРИСТИАНСКО-ИУДЕЙСКИЙ ДИАЛОГ. Хрестоматия. 2-е изд.
Сост. Хелен Фрай. Пер. с англ.
- ИУДЕЙСКО-ХРИСТИАНСКИЙ ДИАЛОГ. Словарь-справочник.
Под ред. Асона Клеицкого и Джеффри Вайгодера. Пер. с англ.
- ДЗЭН И БИБЛИЯ. *Кажичи Кадовики. Пер. с англ.*
- СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ В МИРОВЫХ РЕЛИГИЯХ.
Сост. Джекоб Ньюэнгер. Пер. с англ.

Серия "История Церкви"

- РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВНОСТЬ. Вторая половина XX века.
Архиепископ Михаил (Мудьюгин).
- ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РУСИ, РОССИИ И СССР. Учебное пособие.
Дмитрий Поспеловский.
- ТОТАЛИТАРИЗМ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ. Учебное пособие.
Дмитрий Поспеловский.
- РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО 1917-1941 ГГ. Документы и фотоматериалы. *Сост. О. Ю. Висильева.*
- ИСТОРИЯ II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА. ТТ. I-V. Том I. Навстречу новой эре в истории католичества. *Под общей ред. Джузепе Альберико, Алексея Бодрова и Андрея Зубова. Пер. с итал.*
- ХРИСТИАНСТВО ВОСТОКА И ЗАПАДА. В поисках зримого проявления единства. *Эрист Суттнер. Пер. с нем.*

Серия "Религиозные мыслители"

- ВЕЛИКИЕ РЕВОЛЮЦИИ. Автобиография западного человека. *Ойген Розеншток-Хюсси. Пер. с англ.*
- НЕСЧАСТНЕЙШИЙ. Сборник сочинений. *Серен Керкегор.*
- РОССИЯ И ВСЕЛЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Богочеловечество в перспективе современного межконфессионального и межрелигиозного диалога.
К 150-летию со дня рождения В. С. Соловьева.

Серия "Современная апологетика"

- ТРАКТАТЫ. Небеса, на которых мы так тоскуем. Три толкования жизни. *Питер Крифт. Пер. с англ. О КНИГЕ "ЭКУМЕНИЧЕСКИЙ ДЖИХАД". Наталья Труубер.*
- ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА. *Генри Нувен. Пер. с англ.*
- ЖИЗНЬ ВОЗЛЮБЛЕННОГО. Духовная жизнь в секулярном мире.
Генри Нувен. Пер. с англ.

Серия "Услышать Человека"

- ПРОЩЕНИЕ. Разрывая оковы ненависти. *Майкл Хендерсон. Пер. с англ.*
- ПОСЛУШАЙТЕ ДЕТЕЙ. ПРИСЛУШАЙТЕСЬ, НАКОНЕЦ...
Сост. Аннет Кемпбелл. Пер. с англ.
- НЕЗРИМОЕ ПРИСУТСТВИЕ. *Элен Гизан-Деметридес. Пер. с фр.*
- ЭТОТ НЕИСПРАВИМЫЙ ИНДИВИДУАЛИСТ. История жизни одного финна.
Пол Гундерсен. Пер. с англ.
- ПАВЕЛ НИКОЛАИ ИЗ МОНРЕПО. Европейец, не такой как все.
Пол Гундерсен. Пер. с англ.
- УСЛЫШАТЬ ЧЕЛОВЕКА. *Поль Турнье. Пер. с англ.*
- УРОКИ РАЗДУМЬЯ. Педагогика нравственного развития. 2-е издание.
Филипп Лобстейн. Пер. с фр.

Серия "Читая Библию"

- ЧИТАЯ ЕВАНГЕЛИЯ С ЦЕРКОВЬЮ. От Рождества до Пасхи.
Рэймонд Брун. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С ЕВАНГЕЛИСТОМ ИОАННОМ. Чтобы вы имели жизнь.
Рэймонд Брун. Пер. с англ.
- ВЕЛИКИЕ ТЕМЫ ПИСАНИЯ. Ветхий Завет. *Ричард Рор, Джозеф Миртос. Пер. с англ.*
- ВЕЛИКИЕ ТЕМЫ ПИСАНИЯ. Новый Завет. *Ричард Рор, Джозеф Миртос. Пер. с англ.*
- БЕСЕДЫ С ЕВАНГЕЛИСТОМ МАТФЕЕМ. Превосходя закон.
Лесли Дж. Хопт. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С ЕВАНГЕЛИСТОМ МАРКОМ. Школа ученичества.
Стивен Дойл. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С ЕВАНГЕЛИСТОМ ЛУКОЙ. Шаг за шагом к Слову Божьему.
Барбара Э. Рейд. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С АПОСТОЛОМ ПЕТРОМ. Путь от греха к святости.
Джим Уиллинг, Тэмми Банди. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С ИОВОМ И ЮЛИАННОЙ НОРВИЧСКОЙ. Верую в то, что все будет хорошо.
Кэрол Люберинг. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С ТОМАСОМ МЕРТОНОМ. Как стать самим собой.
Энтони Падовано. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С КАЛЙВОМ ЛЬЮИСОМ. Настигнут радостью. *Роберт Морно. Пер. с англ.*
- ПЕРЕЧИТЫВАЯ БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОРИИ. Открой свою историю в Ветхом Завете.
Макрина Скотт. Пер. с англ.
- ИИСУС В ЕВАНГЕЛИЯХ. Учитель. Пророк. Друг. Мессия. *Артур Заннони. Пер. с англ.*
- ОБРАЗЫ ИИСУСА. Десять граней личности Христа. *Альфред Микбрайд. Пер. с англ.*
- ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ПРОПОВЕДИ. *Генри Драммонд. Пер. с англ.*

Приложения к журналу "Страницы"

- СБОРНИК УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ББИ. 2004 год, 3-е изд., доп.
- ПРИМИРЕНИЕ. Сборник материалов колоквиума в Крестовоздвиженском монастыре, Шелетонь, Бельгия, 1995.

- ☑ КРЕЩЕНИЕ И ОБЩЕНИЕ. Сборник материалов коллоквиума в Крестовоздвиженском монастыре, Шелветонь, Бельгия, 1998.
- ☑ ПОИСКИ ЕДИНСТВА. Проблемы религиозного диалога в прошлом и настоящем.
- ☑ 400 ЛЕТ БРЕСТСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ (1596-1996). Критическая переоценка. Сборник материалов международного симпозиума. Голландия, 1996.
- ☑ СОБОРНОСТЬ. Статьи из журнала англикано-православного Содружества св. Албания и преп. Сергия (Оксфорд). Пер. с англ.
- ☑ НЕОЯЗЫЧЕСТВО НА ПРОСТОРАХ ЕВРАЗИИ. Сост. Виктор Шницерльман.
- ☑ БИБЛИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ И ПРАВОСЛАВНОГО СЛАВЯНСКОГО МИРА. К 500-летию Геннадиевской Библии. Сборник материалов международной конференции. Москва, 1999.

Книги вне серий

- ☑ ПРОРОК. Халиль Джибран. Пер. с англ.
- ☑ СОКРОВИЩЕ В СОСУДАХ ГЛИНЯНЫХ. Руководство по экуменической герменевтике. Пер. с англ.
- ☑ КНИГА БЫТИЯ. Новый перевод.
- ☑ РУКОПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ. Элизабет Бер-Сижель, епископ Диоклийский Каллист (Уэр). Пер. с фр. и англ.
- ☑ МИР МЕГАЛИТОВ И МИР КЕРАМИКИ. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы Э. А. Лаевская.
- ☑ ЗОВ ПУСТЫНИ. Биография молодой сестры Магдалены Иисуса. Катрин Спик. Пер. с англ.
- ☑ РОССИЯ, ПОЛЬША И ЧЕНСТОХОВСКАЯ ИКОНА БОГОРОДИЦЫ. Питер Андерсон. Пер. с англ.
- ☑ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И РЕЛИГИЯ. Хрестоматия. Сост. Вениамин Новик.
- ☑ РУКОВОДСТВО ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ АВТОРСКОМУ ПРАВУ. Пер. с англ.

Издания ББИ

МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В МАГАЗИНАХ:

“БОГОСЛОВСКАЯ КНИГА” — киоск ББИ; Тел.: (095) 270-22-00
 “СИРИН” — Москва, ул. Автозаводская, 17; Тел.: (095) 277-22-28
 “ПАОЛИНЕ” — Москва, ул. Б. Никитская, 26/2; Тел.: (095) 291-50-05
 “СЛОВО” — С.-Петербург, ул. М. Конюшенная, 9; Тел.: (812) 311-20-75

А ТАКЖЕ ЗАКАЗАТЬ ПО ПОЧТЕ:

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ
 ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316, Россия
 Тел./факс: (095) 270-22-00, 270-76-44
 standrews@standrews.ru
 www.standrews.ru